

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга десятая.

ОКТАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВА.

1849.

который и при пособіи вѣнскихъ царей не сдѣлался правильнѣе обыкновеннаго. Попрошу для него всякаго снисхожденія у нашихъ лексиконныхъ фабрикантовъ. Послѣ того, какъ вышлешь, что за грамматика.

IV.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ

ЗНАМЕНИТАГО ДВОЮРОДНАГО МОЕГО БРАТА

ВЕНЕДИКТА ЛАРУТИНА

И ДАЛЬНЯГО ЕГО ВОИСКА

НА САМЫЙ ЗАДНІЙ КОНЕЦЪ ЛУНЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Исторія, которую я намѣренъ имѣть честь рассказать вамъ, сколько забавна, столько и правоучительна. Вы изъ нея можете научиться премножеству вещей, а именно : что никогда не надобно подниматься слишкомъ высоко; не надобно думать, что какая-нибудь вещь дурна, потому-что объ ней не знаешь; что надобно умѣть покоряться обычаямъ той земли, которая не наша, и наконецъ, что смѣяться надъ другими, потому-что они не похожи на насъ, значить давать имъ право смѣяться надъ нами, подъ тѣмъ предлогомъ, что мы не похожи на нихъ.

«А мой двоюродный братъ Ларутинъ былъ прямой шутъ, и не держался этихъ правилъ въ поведеніи ; смѣялся надо всѣмъ тѣмъ, что не было похоже на то, что было на его роднѣ.

«Да этого никогда и не видано, этого никогда и не видано! таково было его всегдашнее заключеніе.

Когда онъ встрѣчался на улицѣ съ Магометаниномъ, Персіаниномъ, Китайцемъ, Ирокезцемъ, все-равно съ кѣмъ-бы то ни было, онъ принимался хохотать надъ его длинною боролою, надъ его чалмою, надъ его платьемъ, надъ его курткой, надъ его походкою. Ему не приходило въ голову, что въ землѣ этихъ добрыхъ людей былъ, можетъ-быть, какой-нибудь, какъ онъ

самъ, дурачекъ, который въ тоже время насмѣхался надъ какими-нибудь Французами, которые чудны и странны не менѣе.

«Особливо онъ привязывался къ арапамъ, по причинѣ цвѣта ихъ кожи. Онъ былъ увѣренъ, что эти бѣдняки дѣлали нарочно что-нибудь, чтобы быть черными. За это отъ нихъ ему доставалось порядочно.

«Не одни только арапы были жертвою его дурачества. Онъ смѣялся надъ однимъ, потому-что они носили огромныя шапки, какъ у астрологовъ; надъ другими потому, что ихъ шляпы казались ему слишкомъ малы; надъ третьими потому, что у ихъ шляпъ были огромныя поля. Короче, все иностранное онъ непремѣнно осмѣивалъ. Онъ до того добился, что ему можно было похвастать прекрасною коллекціею тумачовъ всѣхъ странъ свѣта, да еще и изъ тысячи другихъ мѣстъ. Славно, славно!

«Когда онъ выросъ, все-таки не покинулъ своей страсти, и продолжалъ насмѣхаться еще пуще прежняго нао всемъ, что ни случалось ему видѣть или слышать въ первый разъ. Конечно, нечего такъ и кидаться, очертя голову, на всякую новость, какую только можно себѣ представить, на всякое изобрѣтеніе, какое станутъ выдумывать.

«Одинъ изъ тысячи другихъ примѣровъ дастъ вамъ понятіе объ упрямствѣ ума его. Никакъ нельзя было убѣдить его въ томъ, что подтяжки есть открытіе не менѣе полезное, какъ и пріятное. Мой двоюродный братъ никакъ не могъ постигнуть, что такое подтяжки; онъ всю свою жизнь противоборствовалъ подтяжкамъ, оставаясь непоколебимо вѣренъ поясной пряжкѣ.

«Впрочемъ тутъ не было еще большаго худа. Подтяжки могутъ способствовать счастью—оно извѣстно; но все-таки въ нихъ не заключается существеннаго условія. Можно наслаждаться посредственнымъ счастіемъ и безъ нихъ, особливо у кого есть тысячь десять ливровъ дохода. Многіе народы обходились безъ нихъ, не подвергаясь большому несчастію, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ онѣ были изобрѣтены, и со всѣмъ тѣмъ у нихъ не недоставало ни величія, ни славы, ни блаженства.

«Закоренѣлая страсть моего двоюроднаго брата должна была довести его гораздо далѣе. Прежде всего она должна была довести его до луны. Вотъ какъ оно было. Только прежде всего, не будете ли вы такъ добры, не налейте ли мнѣ вина? Грусть при воспоминаніи объ этомъ сдѣлала то, что у меня горло такъ засохло, какъ голенище у стараго сапога.

V.

— Ахъ, Боже мой! перервалъ тутъ Лавенетъ. — Фрегатъ такъ сильно качнуло, что онъ опрокинулся со стула, и покатился по полу, какъ мячекъ. Какая скверная шутка.

— Это не шутка, папенька Лавенетъ, отвѣчалъ *Парижанинъ*. Это фрегатъ страхиваетъ съ себя блохъ, какъ говорятъ у насъ. За ваше здоровье!

— И вотъ что, ворчалъ Лавенетъ, усаживаясь опять на прежнее мѣсто: вотъ что г-нъ Лагаръ не боится назы...

— Право не знаю, что это, сказалъ одинъ изъ офицеровъ: или у меня голова кружится, или фрегатъ пляшетъ, только мнѣ кажется уже съ минуту все около меня качается,

— Это дѣйствіе шампанскаго, замѣтилъ съ усмѣшкою капитанъ Флоттаръ.

— Извините, капитанъ, сказалъ другой офицеръ: только я подозреваю, что тамъ на-верху крѣпко поддуваетъ, потому-что *Быстрый*, который обыкновенно не такъ-то вертлявъ, начинаетъ качать насъ съ одного борта на другой, точно какъ маленькихъ дѣтей въ люлькѣ.

— Это такъ только вамъ кажется! отвѣчалъ командиръ: оно пройдетъ съ винными парами. Видалъ я погоду и получше теперешней, только это ничего; просто зефиръ; нѣтъ ни малѣйшей опасности.

Въ эту минуту Симонъ Баригуль явился въ четвертый разъ, и пока гости наливали себѣ новыя рюмки, доложилъ капитану о послѣднихъ происшествіяхъ. Вѣтеръ безпрестанно усиливался; фокъ разорвало и унесло; форъ-марсель еще держался, только въ него такъ било, что принуждены были укрѣпить его длинными снастями, которыя идутъ отъ однихъ концовъ реи къ другимъ и которыя называютъ Андреевскимъ крестомъ. Фрегатъ довольно хорошо слушался руля, пошалами сильно ударило ему въ бока. Матросы едва могли стоять на ногахъ на палубѣ; и если въ каютѣ, гдѣ штабъ въ эту минуту предавался всѣмъ праздничнымъ веселостямъ, изъ собесѣдниковъ только одного Лавенета качкою опрокинуло со стула, то это отъ того, что частые опыты доктора удивительно какъ ослабили эквилибристскія силы бѣдняка, а другіе, болѣе ловкіе и болѣе привычныя

къ такимъ сотрясеніямъ, лучше удерживали свои стулья, которые такъ и скользили изъ-подъ нихъ. Къ тому же и столъ служилъ для нихъ точкою опоры. Это былъ одинъ изъ такихъ столовъ, которые называютъ штурмовыми; замысловатая выдумка со множествомъ углубленій круглыхъ, овальныхъ и четверугольных, въ которыхъ помѣщаются и держаться могли блюда, тарелки, солонки, стаканы и бутылки.

Командиръ, пользуясь веселымъ безпорядкомъ, который породило паденіе Лавенета, ушелъ потихоньку изъ комнаты пишущихъ. Онъ вышелъ за Баригулемъ на палубу, чтобы самому видѣть, что дѣлается, и приказать непосредственно, что дѣлать.

— Ну, ну! кричала со всѣхъ сторонъ *Парижанину*, продолжай свою исторію! Мы хотимъ знать, что сдѣлалось съ твоимъ знаменитымъ двоюроднымъ братомъ, непримиримымъ врагомъ подтяжекъ!

— Участіе, которое вы принимаете въ моихъ родныхъ, для меня какъ вѣлья больше лестно, отвѣчалъ преважно *Парижанинъ*. Вотъ, вотттъ!

VI.

«Ну, вотъ, мой двоюродный братъ однажды проходитъ по Марсову-полю, въ Парижѣ, въ Сенскомъ департаментѣ, близъ Понтоаза. Думать, онъ совершенно ни о чемъ не думалъ, какъ это случается и со многими. Вдругъ видитъ, футовъ на десять отъ поверхности земли, преогромный пузырь, снизу котораго висѣлъ какой-то челночекъ.

«Челночекъ былъ привязанъ веревкою къ вбитому въ землю колу. Готовились спустить въ этотъ день воздушный шаръ. Мой двоюродный братъ Марутинъ, который зналъ про то изъ газетъ, крѣпко смѣялся надъ такимъ покушеніемъ, потому-что на это рѣшились только что въ первый разъ. Шаръ выдуманъ былъ еще недавно.

— Ну, вотъ еще ловушка! вскричалъ мой двоюродный братъ. Ну, скажите мнѣ, есть ли тутъ хотя на крошечку здраваго смысла, чтобы такая огромная машина поднялась на воздухъ,

точно какъ перушко! Это невозможно. Да этого никогда и не-
видаю было!

«Объявленіе о такомъ высокомъ опытѣ взволновало весь Па-
рижъ. Уже цѣлый мѣсяцъ въ Парижѣ о томъ только и го-
ворили, да еще о множествахъ другихъ вещей. Для этой церемо-
ніи собралось на Марсовомъ-Полѣ такое множество любопыт-
ныхъ, что бѣда бы, если бы мнѣ пришлось тамъ отыскивать
моего отца. Оно было и не удивительно. На каждой стѣнѣ въ
городѣ приклеили афишки длиною въ сорокъ-шесть футовъ, а
шириною въ тридцать шесть, съ изображеніемъ того, какъ по-
летитъ шаръ. Самъ изобрѣтатель и ученики его, шарпеты, вы-
рядились по дурацки, заткнули за поясы книжалы и писто-
леты, точно какъ-будто бы собирались на войну съ жаворон-
ками. Всего ихъ было пятьдесятъ семь, и всѣ они хотѣли за-
браться въ этотъ кузовъ. Они должны были ѣхать завтракать
въ Римъ, обѣдать въ Константинополь, ужинать у антиподовъ,
и на утро къ завтраку воротиться въ Парижъ. Даже заранѣе
заказали завтракъ къ десяти часамъ утра.

«Ну вотъ, когда надобно было отправляться, весь экипажъ
вдругъ захворалъ. У одного сбѣлалась рѣзь, у другаго мигрень,
у третьяго судороги, у четвертаго потемнѣло въ глазахъ, и
такъ далѣе. По списку оказалось: одержимыхъ разными болѣз-
нями пятьдесятъ семь человѣкъ. Какъ пуститься въ дорогу съ
такимъ походнымъ госпиталемъ.

«Публика подняла ужасную тревогу. Бѣдный изобрѣтатель
вынужденъ былъ, чтобы только успокоить эту публику, обѣ-
щать половину выручки своей тому охотнику, который согла-
сится отправиться одинъ въ челнокъ, и отважится на дальній
поѣздъ, на который ни онъ самъ, ни его ученики, хотя были
вооружены съ головы до ногъ, не могли отважиться по причи-
нѣ болѣзни дѣйствующихъ лицъ.

«Такъ какъ никто не смѣлъ вызваться, то мой двоюродный
братъ пробрался сквозь толпу, подошелъ къ изобрѣтателю, и
сказалъ ему: Ну-те-ка! давайте! подавайте сюда деньги, и я
сажусь въ вашу лодку. Я-то уже не боюсь!

«Ему отсчитали деньги, онъ ихъ сунулъ въ карманъ, и бро-
саясь въ челнокъ при громкихъ рукоплесканіяхъ толпы.

— Ахъ! перестаньте! кричалъ толпѣ мой двоюродный братъ,
тутъ не стоить беспокоиться! Пожалуйста не беспокойтесь!
Нѣтъ никакой опасности! Я вполне увѣренъ, что эта штука

также полетитъ, какъ свинцовый слитокъ. Тутъ опять фиглярство. Воздушные шары! Да этого никогда и не видано было!

«Только все-таки увидѣлъ. Сила газа, которою наполнили пузырь шаръ, была разсчитана такъ, чтобы поднять пятьдесятъ семь человѣкъ; тутъ пришлось летѣть шару только съ однимъ—подумайте же, съ какою скоростію онъ отправилъ свою службу. Только что обрѣзали веревку, которая держала челнокъ, шаръ полетѣлъ, какъ молнія, и разомъ поднялся, какъ-бы вы думали, на пятьсотъ футовъ. Толпа закричала: Bravo! Мой двоюродный братецъ Ларутинъ въ первую минуту сдѣлался точно шальной отъ страха. Одною рукою онъ уцѣпился за край своей ладьи, и высунувшись наружу, принялся махать другою рукою, и вмѣстѣ съ этимъ кричалъ изо всѣхъ силъ:

— Стойте! стойте! Убирайтесь съ вашими деньгами! Я хочу сойти на землю! Я такъ пошутилъ! А дурачиться вамъ не позволю! Я пожалуйсъ начальствую! У меня именно есть родственникъ въ управленіи надъ погребальными дѣлами! Онъ человѣкъ съ вѣсомъ, который за меня заступится! Послѣ вы будете жалѣть! Кто смѣетъ меня держать силою? Этого никогда не видано! Стойте!

«Ну, такъ! точно, стойте! Шаръ летитъ все вверхъ, такъ скоро, какъ пухъ. Запираетъ дыханіе! Тутъ мой двоюродный братъ мигомъ увидѣлъ все Марсово-Поле, потомъ Парижъ, потомъ весь Сенскій департаментъ, а потомъ всѣ сосѣдніе департаменты, потомъ всю Францію, потомъ всю Европу, а тутъ и всю половину земнаго шара. Видъ былъ восхитительный. Онъ проѣхалъ холодныя полосы, въ которыхъ онъ мерзъ; жаркія, въ которыхъ задыхался; умѣренныя, въ которыхъ былъ въ привольѣ. Были и такія мѣста, въ которыхъ пахло одеколономъ, бергамотнымъ масломъ, выхухолью, терпентиномъ и другими веществами. Только все это ему казалось ужасно глупо, потому-что этакій случай встрѣтился ему въ первый разъ.

«Всего удивительнѣе было для него то, что онъ безпрестанно видѣлъ, какъ именно подъ нимъ земля дѣлается все меньше; а между тѣмъ другая планета, надъ самою его головою, дѣлалась все больше и больше. По той мѣрѣ, какъ одна планета исчезала у него въ глазахъ, другая становилась виднѣе. Одна темнѣла, а другая дѣлалась свѣтлѣе.

«Поднимаясь такимъ образомъ, не умѣю вамъ сказать сколько времени, — въ часъ пролеталъ онъ болѣе тысячи миль, —

очутился онъ ровно на серединѣ между обоими шарами. Ну, тутъ началась прямая комедія! Вдругъ шаръ остановился, не подвигается ни туда, ни сюда — разумѣется потому-что его тянуло и въ ту и въ другую сторону ровно. Только тутъ вышло бы что-нибудь одно: или бы шаръ устоялъ, когда его держали въ обѣ стороны, и тогда бы мой двоюродный братъ Ларутинъ такъ бы и сѣлъ на мѣстѣ, на вѣки вѣковъ, а тамъ нѣтъ, даже и харчевни; или бы шаръ разорвало на двѣ равныя части, и тогда представьте себѣ, каково было бы бѣднягѣ катиться на попятный дворъ! Сколько бы понадобилось разложить тюфяковъ, чтобы онъ по возвращеніи упалъ помягче, и не разбилъ себѣ ность объ землю.

«Только этому случиться не пришлось. Двоюродный братъ мой Ларутинъ струсилъ, звалъ на помощь, кричалъ караулъ, и такъ развозился, что, не хотя, прибавилъ ходу машинѣ. Шаръ подался только на одинъ волосокъ за самую середину, и болѣе было не нужно. Сила притяженія верхняго шара тотчасъ одолѣла такую же силу нижняго. Шаръ пролетѣлъ весь цѣлкомъ. Только онъ совсѣмъ перевернулся: верхъ сдѣлался низомъ, и величайшее счастье при такой перемѣнѣ, что мой двоюродный братъ Ларутинъ уцѣпился обѣими руками изъ всѣхъ силъ за борты своего челнока. Безъ этой предосторожности, которую онъ какъ-будто-бы не хотя, по какому-то природному влеченію принялъ, его бы выкинуло, и пришлось бы ему катиться назадъ съ такимъ же ущербомъ здоровья.

«Ну, вотъ все пошло на ладъ, и шаръ полетѣлъ еще скорѣе прежняго, потому-что ему не надобно было уже подниматься, а только опускаться. Онъ также пролетѣлъ чрезъ всякіе слои атмосферы. Были такіе, въ которыхъ ни жарко, ни холодно, ни умѣренно, ни тепло. Оно не походило ни на что такое, что бы мы по своимъ чувствамъ могли себѣ представить. Былъ такой воздухъ, если только это былъ воздухъ, который отъ природы былъ вкусенъ. Стоило только разинуть ротъ, казалось точно какъ будто-бы грызешь леденецъ. А были и такіе горькіе воздушы, какъ сабуровый сокъ. Были воздушы сѣрные, медовые, апельсиновые, укусные и пр. Наконецъ глаза такъ и слѣпало тысячью разнаго цвѣта свѣтовъ, которые совсѣмъ были не похожи на тѣ, какіе видалъ онъ прежде; а вмѣстѣ съ тѣмъ и носомъ онъ слышалъ совсѣмъ незнакомые запахи. Не правда ли, что это любопытно?

«Между тѣмъ, пропутешествовавъ такимъ образомъ по неизвѣстнымъ странамъ, мой двоюродный братъ Ларутинъ достигъ наконецъ до самой планеты. Челночекъ его тихо спустился на землю, то-есть на луну.

«Потому-что мой двоюродный братъ Ларутинъ въ самомъ дѣлѣ прибылъ на луну. Онъ подвигалъ голову, и увидѣлъ посреди краснаго неба шаръ, величиною съ большую тыкву, который ему показался зеленоватого цвѣта, съ чѣмъ-то похожимъ на глаза, ротъ в ность, препорядочно выведенные. А это были мы, наша земля, которая ему оттуда такъ казалась, и служила лунѣ—луною.

«Не стану и пытаться описывать вамъ, какъ остоленѣлъ мой двоюродный братъ, когда послѣ такого продолжительнаго путешествія, онъ очутился на верхушкѣ дорогаго брилліанта, ограненнаго почти отвѣсно, у котораго пзъ широкихъ боковъ, посреди фиолетовыхъ деревьевъ, на которыхъ росли вареныя сливы, текъ ручей, цвѣтомъ, вкусомъ и запахомъ похожій на молоко нашихъ странъ. Уже навѣрное, его такъ бы не ошеломило, если бы кто ударилъ его лубиною по лбу, какъ при видѣ такихъ дикушинокъ.

«Ну, только все это было еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ему оставалось еще увидѣть въ этомъ новомъ мѣстѣ жительства, гдѣ все, казалось ему, было выворочено наизнанку. Тутъ онъ вдоволь могъ натѣшиться, осмѣивая, по своей страсти, все, чего онъ не видывалъ и не знавалъ. Но признаюсь вамъ, что у меня горло опять такъ пересохло, какъ кусокъ трута. Если позволите, такъ я его неможно попромочу прежде, чѣмъ стану продолжать разсказъ о невѣроятныхъ приключеніяхъ моего двоюроднаго брата.

«Ну-те-ка, налейте!

— Онъ говоритъ дѣло: выпьемъ! повторили гости хоромъ. Разсказъ *Парижанина* расшевелилъ ихъ любопытство.

— За здоровье *Парижанина*! закричалъ одинъ.

— За здоровье *Парижанина*! повторили всѣ. Чокнулись рюмками. По неровному звуку рюмокъ при этомъ чоканьѣ можно было легко судить, что большая часть рукъ не имѣла уже той твердости, какая бываетъ на-тощакъ.

— За здоровье двоюроднаго брата Ларутина! закричалъ другой.

— За здоровье матушки Годишоны! закричалъ третій.

— За здоровье экватора! закричали всѣ.

Но вдругъ:

VII.

— Ахъ, господа! Нашъ любезный фрегатъ!... кричалъ кто-то громкимъ голосомъ, который заглушалъ всѣ другіе голоса.

Это былъ голосъ капитана Флоттара, который вошелъ въ эту минуту къ гостямъ.

Таинственные эти слова, за которыми послѣдовалъ глухой гулъ отъ громоваго удара, обдали непонятнымъ ужасомъ всѣхъ гостей.

— Да, господа, выпьемъ за наше здоровье! прибавилъ командиръ съ грустною радостью. Кто можетъ отвѣчать за будущее? Можетъ-быть, это будетъ для насъ послѣдняя рюмка.

Сказавъ это, онъ поднесъ ко рту рюмку, и рука его не дрогнула. Гости не послѣдовали его примѣру.

Довольно было словъ ихъ начальника, чтобы прогнать изъ головъ ихъ всѣ винныя пары. Они всѣ стояли опершись руками на столъ, — неподвижны, безмолвны, съ трепетомъ ожидая дальнѣйшихъ объясненій.

Это объясненіе не замѣшкалось.

Когда капитанъ выпилъ рюмку, онъ ее пивырнулъ на столъ. Всякое притворство кончилось. Голосъ его сдѣлался торжественнымъ.

Онъ сказалъ:

— Слушайте, господа! До-сихъ-поръ я считалъ за нужное молчать. Меня одного было на все довольно. Гибель не была еще явною. Было бы бесполезно, а потому и жестоко отнимать у васъ нѣсколько часовъ въ такой праздничный день. Но время на пированіе прошло, прошло можетъ-быть, безъ возврата. Слушайте! слушайте!... Господа офицеры, пойдѣте со мною. Я объявляю вамъ всѣмъ по душѣ и по совѣсти: нашъ фрегатъ въ опасности!

ГЛАВА XV.

!!—!!!—!!!!—!!!!!—!!!!!!

Спасайся, кто можетъ.

I.

Офицеры вышли съ капитаномъ на палубу. Всѣ хранили угрюмое молчаніе. Никто не смѣлъ спросить его на счетъ гибельнаго положенія, потому-что всѣ знали, что онъ не такой человѣкъ, чтобы испугался бездѣлицы.

Парижанинъ и *Викша* также вышли и стали по своимъ мѣстамъ, не подумавъ даже сложить съ себя маскерадную одежду.

Робертъ-Робертъ, Лавенетъ и нѣсколько другихъ пассажировъ остались въ столовой. Имъ приказалъ тамъ остаться командиръ, подъ надзоромъ доктора, потому-что имъ тамъ было безопаснѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, да и мѣшать они никому не могли. Фрегатъ било съ каждою минутою все сильнѣе и сильнѣе; докторъ училъ ихъ, какъ держаться, чтобы не уасть. Все-таки нѣсколько человѣкъ попадали, и едва не разможили себя головъ о перегородку. Въ такую минуту очень прости-тельно было имъ бояться. Пные плакали не говоря ни слова; другіе задумались; третьи казались точно какъ убитые; четвертые притворялись спокойными, тогда какъ блѣдность ихъ лицъ измѣняла имъ; наконецъ, были такіе, которые предавались самому безразсудному отчаянію. Робертъ-Робертъ, можетъ-статься, одинъ только въ тоскѣ своей сохранилъ что-то порядочное и благоразумное. Лицо его и поступъ выражали покорность судьбѣ, безъ са мохвальства.

Докторъ, съ своей стороны, съ неутомимымъ усердіемъ старался укрѣпить вѣранныхъ его попеченію пассажировъ, проповѣдывалъ имъ мужество, въ чемъ самъ подавалъ имъ примѣръ; доказывалъ имъ математически, что они понапрасну бояться. Онъ такъ занялся борьбою противъ страха другихъ, что ему самому бояться было некогда. Къ несчастію, страхъ не разгонишь доводами, и какъ ни были разсудительны его увѣщанія, все ихъ немного слушали. Лавенетъ менѣе всѣхъ

— постигалъ красоту его силлогизмовъ. Бѣднѣе вытрезвился совершенно. Сначала онъ сидѣлъ неподвижно, не говоря ни слова и держа перель разинутымъ ртомъ пѣнящейся послѣдней задранный кубокъ. Можно было подумать, что это пьяница, окаменѣвшій во время питья. Потомъ онъ началъ ворочать мутными глазами, произносить хриплые, несвязные звуки, колотить кулакомъ по столу, бить самого себя, рвать на себѣ волосы. Съ минуту, онъ былъ совсѣмъ какъ сумасшедшій. Со страху онъ пересталъ бояться. Если бы онъ могъ безнаказанно двинуться со стола, то непременно бы побѣжалъ кинулся въ море, такъ онъ боялся потонуть въ немъ.

— Бездѣльникъ! вскричалъ онъ, обращаясь къ самому себѣ и нанося кулакомъ себѣ удары въ грудь и въ голову. Негодѣй! зачѣмъ тебя занесло въ эту трущобу? Какая тебѣ была надобность путешествовать въ твои лѣта! Покинуть мирную твою Бретань, мягкую постель, сытный столъ, теплый уголокъ на твердомъ мѣстѣ, и отправиться въ орѣховой скорлупѣ. Забавные *пловучіе города*! Что ты, теперь скажешь, безумецъ? Что ты скажешь о твоихъ *пловучихъ городахъ*? Ну, тѣмъ, лучше! Умирай злѣсь! умирай! Это тебя научить не быть впередъ такимъ довѣрчивымъ.

— Потихонько! прервалъ докторъ, стараясь изо всѣхъ силъ удержать руку Лавенета. Къ чему приходитъ въ такое отчаяніе? Вамъ бы надобно было быть покойнѣе, чѣмъ кому-нибудь. Вамъ конечно было-бы пріятнѣе кончить путь свой на кораблѣ, чѣмъ продолжать его вплавь; только вѣдь вамъ бояться нечего. Вы земноводный. Чтò-бы ни сдѣлалось съ фрегатомъ, все вы изъ бѣды выпутаетесь.

— Оставьте меня въ покоѣ! закричалъ Лавенетъ, взбѣсясь еще болѣе. Говорю вамъ напередъ, что теперь совсѣмъ не пора заниматься такими шутками.

— Я не шучу, сказалъ докторъ. Не придетъ охота смѣяться, когда пропадетъ плодъ двадцатилѣтнихъ трудовъ: превосходный трактатъ въ двѣнадцать книгъ въ осьмушку! Я повторяю это съ грустію: вы двустихійный, и если хотите, такъ я дамъ вамъ въ томъ свидѣтельство, по которому вы можете себѣ холатайствовать чтò слѣдуетъ. Вы менѣе, чѣмъ другой кто-нибудь, имѣете право колотить себя такъ сильно кулаками въ голову. Оно нездорово.

— Пустьте меня, докторъ! Я бы радъ былъ поколотить и васъ!

— Покорѣйше благодарю!

— Не за что; я никому не даю предпочтенія; хотѣлъ бы помолотить всю природу. Право, вы меня вывели изъ терпѣнія! Съ самой той минуты, какъ я имѣлъ глупость сѣсть въ этотъ негодный кузовъ, вотъ уже сотый разъ мы подвергаемся опасности погибнуть. Каждый день какая-нибудь новая бѣда. Сейчасъ только еще мы пили, смѣялись, разговаривали, ѣли, какъ слѣдуетъ мирнымъ гражданамъ, никому не дѣлали зла, въ этомъ сошлюсь на васъ,—и потомъ, крикъ! буря такъ и навалилась намъ на шею. Это нехорошо, но чести!... Смѣйтесь, пожалуйста! Что это за балаганъ!... Кто это построилъ такую берлогу!... Какой сумасшедшій ихъ выдумалъ!... Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! продолжалъ онъ, колотя кулакомъ объ столъ, а ногою въ полъ: вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, проклятый балаганъ! проклятый *чловуѣ городъ*! проклятая галера!... Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!... Какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть возможность уничтожить тебя однимъ разомъ, тебя и всѣхъ тебѣ подобныхъ!... Зачѣмъ ты медлишь?... Въмѣсто того, чтобы качать насъ такимъ образомъ, потопи насъ разомъ, и чтобы болѣе не было и рѣчей! Тони же, тони!

Только что успѣлъ Лавенетъ докончить этотъ чудесный упрекъ, какъ ужаснымъ валомъ потрясло весь фрегатъ, сорвало столъ, повалило людей съ ногъ, покидало мебель, блюда, тарелки, бутылки, подсвѣчники, все какъ ни попало, и въ каютѣ сдѣлался какой-то мрачный хаосъ.

II.

Командиръ, выйдя съ офицерами на палубу, поспѣшилъ разставить ихъ всѣхъ по мѣстамъ. Уже заранѣе были приняты всѣ самыя лучшія мѣры предосторожности, какъ мы то видѣли въ предыдущихъ главахъ. Парусовъ уменьшили сколько можно болѣе, чтобы вѣтру менѣе представлять сопротивленія, но сила вѣтра безпрестанно увеличивалась и требовала новыхъ маневровъ. Всѣ работы производились истинно съ сверхъестественнымъ мужествомъ. Ночь была такъ темна, что все дѣлать надобно было ошунью. Целью было видѣть другъ друга иначе, какъ при блескѣ молніи, или при фосфорическомъ

свѣтъ отъ пѣнящихся волнъ, свѣтъ, который слѣпаятъ глаза, не давая ничего рассмотреть порядочно, и исчезая, оставляя еще въ большей темнотѣ. Дождь лилъ ливнемъ; крупный градъ такъ и гремѣлъ по палубѣ; молнія блистала во всѣхъ сторонахъ; океанъ ревѣлъ ужаснымъ образомъ. Въ такую суматоху надобно было раздавать приказанія, отъ которыхъ зависѣло спасеніе фрегата; надобно было ихъ разслышать, понять, выполнить; со сколькоми препятствіями надобно было бороться; бѣгать въ потьмахъ, и бѣгать по скользкому полу, на которомъ, отъ сильной качки, и стоять было не возможно; лазить по веревочнымъ лѣстницамъ; виснуть на воздухѣ, на не надежной снасти; взлѣзать на верхъ мачты, какъ въ страшную люльку, въ которой вѣсь перекачивается съ одного борта на другой, падъ бездною, и тамъ еще производить самыя трудныя работы. Но истиннѣ, когда подумаешь о такихъ трудахъ по совершеніи дѣла, то не вѣрится и тому самому, кто исполнялъ его; кажется, все это было во снѣ. Счастье ихъ еще, если они переживутъ такіе труды, чтобы имъ дивиться!

Въ числѣ матросовъ *Бистро* нѣсколько человѣкъ взрвало перелопавшимися снастями, которыя носились во всѣ стороны повиснувъ въ воздухѣ, и хлестали жестоко; иные, сваясь долой съ ногъ, катились по палубной настилкѣ, и разможили себѣ головы объ сѣтки или объ нижнія части мачтъ; иные были убиты падавшими блоками и другими обломками; иные, падая сверху, убивались; иныхъ вѣтромъ срывало съ высоты, и относило въ даль, какъ живую игрушку; многихъ перекатывавшимися черезъ фрегатъ валами уносило въ пучину.

Не слышать было ни одного крика; нельзя было ждать никакой помощи. Ночная темнота обнимала все, и сдѣлавшихся жертвами, и оставшихся въ живыхъ, а грозный голосъ океана и неба заглушалъ всѣ голоса человѣческіе.

Въ ожиданіи приказаній командира, несчастные старались прислониться къ чему-нибудь, съ той стороны, откуда дулъ вѣтръ, сгибали синну, чтобы дать перейти черезъ себя огромнымъ волнамъ, которыя такъ и катились бурными потоками съ одного борта на другой, или съ кормы къ носу. Жалобы, обращенія къ небу, чтобы умилосердить его, — вотъ все, что вырывалось изъ устъ нѣкоторыхъ. Большая часть оставались погруженными въ задумчивость: мысли печальныя, торжествен-

ныя, мысли привязанности, мысли о родныхъ, о друзьяхъ, о дорогихъ сердцу, въ особенности мысли о Богѣ, толпились въ ихъ головахъ. Великія опасности всегда оживляютъ въ памяти человѣка сладкія воспоминанія о томъ, что на землѣ, и о томъ, чего можно надѣяться на небѣ.

Симонъ Баригуль ворчалъ, Вѣкша свисталъ, а *Парижанинъ* по прежнему балагурилъ, какъ только находилъ къ тому случай. Эти три характера принадлежали къ числу тѣхъ, которыя проишествія могутъ умѣрить, но не переимѣнить. Одинъ молодой матросъ, которому впервые случилось быть въ такой бѣдѣ, на эту минуту былъ къ нимъ всѣхъ ближе, и также, какъ они, удѣлился за ванты у фокъ-мачты. Этотъ бѣдный новичекъ дрожалъ всѣми членами, и совсѣмъ не замѣтилъ, что Вѣкша, который держался одною рукою за ванты, другою, на забаву себѣ, прицѣпилъ ему къ вороту длинный конецъ веревки, точно какъ хвостъ, нависывая ему въ самыя уши какую-то пѣсню.

— Нынѣшнимъ вечеромъ погода не такъ хороша, какъ была давеча утромъ, рѣшился сказать имъ новичекъ.

— Согласенъ, что теперешняя пляска не такъ пріятна, какъ давишняя, грубо отвѣчалъ Симонъ Баригуль. Кастрюльная и котельная музыка тебѣ немножко побольше нравилась, чѣмъ теперешняя. Ты получше умѣлъ разводить ногами на сухопутномъ полу, чѣмъ по кончикамъ реевъ, при громовомъ звукѣ и при такой суматохѣ. Ну, что дѣлать? всякой потѣхѣ есть свой чередъ.

— Какъ ты думаешь, почтеннѣйшій, долго ли это еще продолжится? робко прибавилъ новичекъ.

— Вѣроятно, продолжится до самаго конца, сказалъ Парижанинъ. Ты уже больно торопишься, молодой мой товарищъ. Оно также, какъ клавиши у гобоя: чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе! Что, напримеръ, ты скажешь объ этомъ громовомъ ударѣ? Найди-ка мнѣ кларнетъ такой, чтобы пропищалъ такъ. А что ты скажешь объ этой молніи? Найди-ка мнѣ такое огниво, чтобы высѣкало этакія славныя искры! А этотъ зефирикъ, каковъ? Не знаешь ли ты побольше такихъ мѣховъ, которыми можно было бы заставить такъ трещать гротъ-мачту? Ну, а что-бы ты подумалъ объ этомъ валѣ, который къ намъ жалуется? Наклони-ка голову. Скорѣе! Ну, вотъ такъ! Ну, вотъ еще одинъ провалилъ! Только этотъ уже черезъ-чуръ пересолилъ! Да, видалъ

ли ты такіе фонтанчики? Говорю тебѣ, это прекрасно. Почитай-ко въ книгахъ, пошлюсь въ этомъ на нихъ, и онѣ тебѣ скажутъ, что это превосходно, а особливо по насмѣшкѣ. Только полно болтать! Вотъ идетъ еще сильнѣе. Держись крѣпче на заднихъ—то лапахъ, слушай команду! Старый воркунъ навѣрное еще заставитъ насъ прогуляться нѣсколько разъ по реямъ, для нашего образованія и удовольствія.

Въ-самомъ-дѣлѣ буря достигла высочайшей степени своего свирѣпства. На фрегатѣ оставили еще нѣсколько парусовъ, чтобы дать ему сколько-нибудь ходу впередъ: ихъ всѣ почти унесло. Самыя толстыя снасти лопались; мачты трещали. Бугшпритъ переломился, полетѣлъ на палубу со всѣми своими снастями, и перебилъ всѣхъ бывшихъ вблизи мачтросовъ. Черезъ минуту въ фокъ-мачту ударила молнія, и разсыпала дымящіяся, черныя ея шепы, какъ картечь. Наконецъ, волны, которыхъ вышину едва можно было измѣрить глазомъ, и грозный блескъ молвіи, дѣлались все сильнѣе и сильнѣе, точно какъ горячечныя трепетанья широкой груди, изъ которой готово вырваться послѣднее дыханіе. Волны поднимали фрегатъ на самую свою вершину, а потомъ, разражаясь подъ избыткомъ его кузовомъ, погружали его въ пучину океана.

Командиръ кричалъ поднять брамъ-лисель, небольшой трехугольный парусъ, посредствомъ котораго онъ надѣялся имѣть возможность управлять сколько-нибудь и удержать фрегатъ въ такомъ положеніи, чтобы не подставлять бока его свирѣпости волнъ и вѣтра.

Только что подняли брамъ-лисель, ураганомъ изорвало его въ клочки и унесло.

Другое покушеніе не болѣе имѣло успѣха.

— Какая ужасная ночь! сказалъ печально одинъ офицеръ.

— Правда, отвѣчалъ командиръ. Видалъ я ночи горькія въ продолженіе сорока лѣтъ, а такихъ не видалъ еще. Впрочемъ этоѣ доказываетъ, что мои наблюденія вѣрны. Объ этомъ я не жалѣю. А вы, лейтенантъ... Ахъ, батюшки! да гдѣ же вы? Лейтенанта тамъ не было. Большою волною его утащило, такъ что командиръ, который надежнѣе укрѣпился, и не примѣтилъ того, какъ онъ исчезъ.

— Вотъ еще однимъ хорошимъ работникомъ менѣе! грустно

вскричать онъ: только теперь, минутою раньше, минутою позже, все-ранцо!

Только что командиръ сказалъ это, другая волна, еще сильнѣе прежней, обрушилась съ такою силою на корму фрегата, что бросила его внезапно вправо, не смотря на всѣ старанія рулевого, котораго этою же волною отбросило шаговъ на двѣнадцать, уже мертвого. Румпель переломился въ рукѣ несчастнаго, и фрегатъ волнами повалило на бокъ. Тотчасъ приладили запасный румпель на мѣсто настоящаго, только руль не дѣйствовалъ, потому-что фрегатъ безъ парусовъ не могъ двинуться: всякая возможность поднять его исчезла.

Командиръ приказалъ, чтобы всѣ матросы изобразились на всѣ ванты тѣхъ мачтъ, которыя еще стояли, для того, чтобы какъ нибудь силою и тяжестью перетянуть на другую сторону и постараться поставить фрегатъ прямо. Только все это было напрасно; тягости людей было мало противъ силы волненія и вѣтра.

— Все кончено! вскричалъ командиръ. Слушай! Всѣ внизъ, и пускай кто-нибудь изъ васъ возьметъ топоръ.

Второй лейтенантъ схватилъ топоръ, и поспѣшно бросился къ бизань-мачтѣ.

— Прикажете рубить? кричалъ онъ, занеся топоръ.

— Постойте! отвѣчалъ командиръ. Потомъ обратясь къ новому рулевому спросилъ: Дѣйствуетъ ли наконецъ руль?

— Нѣтъ.

— Ну такъ рубите, закричалъ командиръ офицеру.

Довольно было одного удара топоромъ, потому-что только лейтенантъ перерубилъ первые шпалеры, какъ другія всѣ сами лопнули. Мачта, которую ничто не держало, треснула подъ тяжестью собственныхъ ея снастей, переломилась, и упала въ море со всѣми своими принадлежностями.

— Поднимается ли фрегатъ? кричалъ командиръ матросу, который былъ у руля.

— Очень немного, отвѣчалъ тотъ.

— Мало, это тоже, что ничего, проворчалъ Парижаншъ.

— Къ гротъ-мачтѣ! закричалъ командиръ: и рубите!

Это было послѣднее средство, которое оставалось испытать, чтобы спасти фрегатъ. Только въ настоящемъ случаѣ тутъ представлялись непреодолимые затрудненія, и всякой, кто бы ни рѣшился взяться за дѣло, долженъ былъ заранѣе проститься

съ жизнью. Развѣ только чудо могло спасти его. Поэтому когда командиръ отдавъ приказаніе, нѣсколько минутъ прошло, и никто изъ матросовъ не рѣшался. Капитанъ вынужденъ былъ повторить это приказаніе, и даже растолковать его стоявшимъ возлѣ него, полагая, что его не разслышали, или не повидали.

— Къ гротъ-мачтѣ! говорятъ вамъ, къ гротъ-мачтѣ. Нечего и думать, чтобы она долго устояла при такой качкѣ. Гнется уже, какъ пивовая вѣтка. Такъ и трещить безпрестанно. Внизу совсѣмъ разсыпалась. Если упадетъ на палубу, такъ будетъ бѣда. Надобно этому помочь. Давайте, попробуемъ, пока она такъ наклонилась теперь. Это одно средство поставить фрегатъ прямо. Рубите, рубите!

Лейтенантъ мѣшкать не сталъ: бросился съ топоромъ, который держалъ въ зубахъ, и собравъ всѣ послѣднія свои силы, преиспоვნно пробрался по ненадежнымъ ступенямъ, которыя вели къ тому опасному мѣсту, куда должность его призывала. Такое усердіе подѣшало ему принять должную осторожность. Уставшій уже до нельзя, онъ еще слишкомъ испорчился; вдругъ подъ нимъ лопнула одна веревка; онъ оступился; въ то же время качнуло такъ, что онъ не могъ удержаться обѣими руками: несчастный оборвался внизъ съ высоты сорока футовъ, на палубу, и разможжилъ себѣ голову. Всѣ къ нему сбѣжались. Онъ умеръ.

Такой печальный случай поразилъ всѣхъ ужасомъ.

— Славный былъ морякъ, сказалъ командиръ, снимая фуражку, точно какъ будто бы хотѣлъ почтить его память. Онъ пожертвовалъ собою для спасенія всѣхъ. Мы объ этомъ отладимъ въ приказѣ, разумѣется, если сегодня придется еще отдавать приказъ. А между-тѣмъ, кому угодно заслужить такую же честь, подвергаясь такой же участи?

Матросы молчали: участь лейтенанта устрошила самыхъ неустрашимыхъ.

— Никто не отзывается? продолжалъ командиръ, подождать съ минуту. Разъ!... два!... три!... Ну! мнѣ. Такъ и надобно, чтобы старшіе учили васъ, какъ умирать. Можетъ-быть, не долго будетъ вамъ дожидаться, чтобы воспользоваться такимъ примѣромъ. Давайте мнѣ тотъ топоръ, который былъ у лейтенанта.

При этихъ словахъ командиръ сбросилъ съ себя фуражку и скинулъ мундиръ.

Тутъ выступили двое:

— Иду я, сказалъ одинъ.

— Я иду, сказалъ другой.

Это были Симонъ и Парижанинъ. Оба, какъ люди уже привычные, потребовали своей доли на смерть.

— Вамъ тутъ, капитанъ, нѣтъ дѣла, говорилъ первый. Всякому свое. Вы извольте приказывать, а мы будемъ исполнять. Извольте надѣть вашъ мундиръ, а топоръ отдайте мнѣ. Имъ поработать, право, я умѣю лучше, чѣмъ потрубить на трубѣ.

— Такъ дайте же мнѣ другой, прибавилъ Парижанинъ. Вамъ приказано идти съ фрегатомъ къ Бурбону, и отдать, кому слѣдуетъ, денеши отъ императора. Да здравствуетъ императоръ. Ну, а мы, впередъ, маршь!

Капитанъ далъ имъ волю дѣлать, что хотятъ, нисколько не удивляясь такому мужеству, которое и самъ онъ въ себя чувствовалъ. Онъ по-прежнему принялъ на себя обязанность наблюдать и командовать. Оба матроса схватили топоры, и безстрашно пустились на подвигъ, который былъ уже такъ гибеленъ для одного изъ ихъ начальниковъ.

Какъ и всегда бываетъ въ такомъ случаѣ, примѣръ ихъ возбудилъ въ другихъ мужество. Многіе бросились за ними, чтобы принять участіе въ главномъ и опасномъ дѣлѣ.

— Долой! закричалъ въ рупоръ командиръ: долой всѣ, кромѣ двоихъ! Тутъ вамъ и смерть! Спускайтесь по штагамъ! Спускайтесь!

Слова командира дошли до ушей матросовъ, только никто и не захотѣлъ послушаться. Можетъ-быть, имъ было некогда. Симонъ Баригуль и Парижанинъ хватили нѣсколько разъ топорами въ томъ мѣстѣ, гдѣ было надобно. Раздался глухой трескъ. Оба молодца тотчасъ спустились на палубу въ добромъ здоровьи. Другимъ такой удачи не было. Трескъ дерева сдѣлался еще сильнѣе; множество веревокъ полопалось подъ тяжестью падавшей мачты; самая мачта зашаталась, погнулась, и разомъ переломившись, тяжело повалилась въ море, съ ужаснымъ шумомъ. Снасти, реи, все перелопалось и переломалось, полетѣло, а съ ними полетѣли и бѣдные матросы, которые понадеялись, что могутъ за нихъ удержаться—ихъ исковеркало и поглотило бездною.

При такой бѣдѣ раздался горестный крикъ.

— Несчастные! вскричалъ командиръ: не хотѣли меня слу-

шать! Потомъ обратился къ рулевому, спросилъ: Поднимается ли фрегатъ?

— Немножко, капитанъ; только руль едва дѣйствуетъ.

— Ну, такъ за работу! Облегчимъ фрегатъ! Чтобы ничто не мѣшало его движеніямъ! Рубите! Скорѣе! скорѣе, ребята! За работу!

При этихъ словахъ матросы бросились съ топорами, ножами, и въ минуту позадали всѣ длинныя снасти, на которыхъ держались срубленные мачты. Тотчасъ фрегатъ, облегченный отъ тяжести, которая его склонила на лѣвую сторону, началъ видимо приподниматься.

— Поднимается! поднимается! закричалъ рулевой.

— Славно! сказалъ командиръ: только этого мало. Пошли всѣ направо, ребята, всѣ направо! проворнѣе!

Всѣ матросы побѣжали въ ту сторону, куда имъ приказано было, и такимъ образомъ тяжестью своею противоdѣйствую другой силѣ, влекущей въ другую сторону, пособили, чтобы онъ почти совсѣмъ приподнялся.

— Ну, теперь руль на бортъ! закричалъ капитанъ.

Рулевой это исполнилъ, и ему такъ удалось это, что фрегатъ поворотился, и тогда волнами и вѣтромъ начало бить его въ корму, а не въ бокъ.

Тутъ всѣ матросы радостно вскрикнули:

— Славно! славно! фрегатъ поднялся! Пошелъ по вѣтру! Богъ насъ помиловалъ!

III.

Такъ восклицали эти добрые люди, обнимая другъ друга.

Только одинъ капитанъ не предавался такой скоропреходящей радости. Фрегатъ поднялся и пошелъ, но онъ былъ совершенно безъ снастей. Не было ни одной мачты, ни одного паруса, ни какого средства къ сопротивленію или къ дѣйствию. Ураганъ становился мало-по-малу слабѣе; но надобно было отдаться совершенно на произволъ вѣтра и волненія. Только однимъ дѣломъ и можно было заняться: работать помпами. Командиръ употребилъ на это весь экипажъ, чтобы очистить фрегатъ отъ *водянаго груза*, который начиналъ уже наполнять

трюмъ. Почтенный морякъ съ нетерпѣнія топалъ ногами, при той мысли, что не можетъ предпринять ничего лучшаго для спасенія милаго своего фрегата.

Фрегатъ било въ продолженіе пяти часовъ.

— Мы погибаетъ! говорилъ командиръ. Не могу опредѣлить вѣрно, въ какомъ пунктѣ и на какой глубинѣ мы находимся; только послѣ двѣнадцати-часовыхъ шкваловъ, которыми насъ носило какъ ни понало, я имѣю причины думать, что мы отъ бѣды не далеко.

— Я тоже этихъ мыслей, командиръ, сказалъ Симонъ Баригуль; я уже чувствовалъ нѣсколько небольшихъ сотрясеній въ фрегатномъ кузовѣ. Это ничего добраго не предвѣщаетъ.

— Дядя говорить правду! прибавилъ Нарржанинъ. Морской грунтъ уже нѣсколько разъ принимался у насъ щекотать подошвы. Кажется, если кто изъ насъ успѣлъ написать духовную, такъ теперь уже уничтожать ее нечего. Посмотрите, какъ начало щекотать.

Эти опасенія были не безъ причины. Фрегатъ и вѣтромъ и теченіемъ несло на песчаную банку, о которой командиръ зналъ почти навѣрное, что она находится въ этихъ мѣстахъ. Килемъ уже нѣсколько разъ задѣвало за движущійся грунтъ ея, какъ вдругъ волнами фрегатъ приподняло кверху, и потомъ съ силою опустило на мель; киль врезался глубже, и наконецъ впился глубоко въ песокъ, точно какъ лезвье топора въ кусокъ дерева, въ который имъ ударять. Этимъ послѣднимъ ударомъ разшатало всѣ части фрегата. Волны еще вполонину его приподняли, но онъ уже такъ глубоко увязъ въ пескѣ, что онѣ приподнять его совсѣмъ и дать ему ходъ уже не могли. Напротивъ еще, поднимаясь такимъ образомъ и опять опускаясь, онъ увязалъ все глубже и глубже, и наконецъ сталъ неподвижно въ прорытой килемъ его бороздѣ.

IV.

Отъ этого-то сотрясенія все перевернуло вверхъ дномъ въ столовой. Многіе изъ бывшихъ тамъ были тяжело ранены. Нѣкоторые были даже убиты. Почти въ ту же минуту одна изъ волъ ударила съ такою свирѣпостью въ корму неподвижнаго

фрегата, что переломала оконныя рамы, хлынула внутрь каюты, и обдала и людей и вещи, какъ изъ водопада. Пассажирамъ представилось, что ихъ поглотила уже бездна, они выпустили ужасныя стенанія. Сбѣжавъ вода, впрочемъ, ободрила Лавенета. Разсудокъ къ нему возвратился, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привязанность его къ жизни. Онъ сталъ подражать другимъ, и выкарабкавшись на волю изъ-подъ всего, что нагромоздилось на его особу, онъ усѣлся, хотя и не безъ труда, припять, по-прежнему, перпендикулярное положеніе. Тутъ, почувствовавъ, что полъ не качался и что на немъ можно было стоять также легко, какъ и въ домахъ Бретани, онъ вскричалъ въ изумленіи, радуясь такой перемѣнѣ:

— Право! вотъ что странно! Фрегатъ не двигается, точно какъ скала! Видно буря прошла! Все пошло хорошо! Выйдемъ-ка на верхъ, да посмотримъ.

Большая часть собесѣдниковъ вдались въ такой же обманъ. Кто могъ двинуться, всѣ встали; оцунью отыскали дверь, и ковыляя пробрались на палубу.

День только что начинался. Ураганъ сдѣлался уже тише. Солнце, не отбрасывая около себя лучей, являлось огромнымъ краснымъ шаромъ позади темной завѣсы паровъ, которые поселились по небу. Картина была грозная и грустная. Матросы такъ и оцѣпенѣли при видѣ этого прекраснаго фрегата, исковерканнаго бурей, при видѣ палубы безъ мачтъ, безъ нарусовъ, которую покрывали обломки разныхъ ея украшеній, а мѣстами, и человѣческіе трупы. Нельзя изобразить, какъ грустно было смотрѣть на все это.

Лавенетъ сначала ничего не замѣтилъ. Какъ скоро онъ вылезъ на палубу, то первый ползся ему на встрѣчу капитанъ, къ которому онъ съ превеселымъ видомъ и потирая обѣ руки, обратился съ такими странными словами:

— Желаю здравствовать, командиръ! Имѣю честь свидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Кажется, мы спасены. Право, это гѣмъ лучше. Поздравляю васъ! Только признаться надобно! могу сказать безъ хвастовства: не безъ труда оно и было!

— Молчать, безумецъ! закричалъ сердито капитанъ, который въ это время наклонился къ одному люку, и, казалось, прислушивался къ тому, что происходило во внутренности фрегата.

— Что такое сдѣлалось съ нашимъ начальникомъ? спросилъ Лавенетъ у Барнуэля.

— А вотъ что, отвѣчалъ Баригуль: онъ прислушивается, есть ли у насъ течь.

— Есть ли течь!

— Да! подхватилъ Парижанинъ. Настала минута, любезнѣйшій г. де-Лавенеттъ, опять вамъ приняться за ваши прыжки на морскомъ днѣ. Вотъ теперь самая настоящая минута. Только сегодня уже пожауйста на меня не извольте полагаться: я ужасно усталъ отъ веселаго препровожденія времени нынѣшнею ночью.

— О, ему бояться нечего, прибавилъ преважно докторъ: онъ двустихійный, онъ раздѣляетъ легочное устройство съ тю-ленями, устрицами и крокодилами. Оно странно, рѣшительно противъ всѣхъ правилъ, оно отнимаетъ у меня превосходный трактатъ въ двѣнадцать томахъ, въ осьмушку, съ раскрашенными рисунками; только оно такъ. А если такъ, то оно уже такъ, потому именно, что такъ; потому-что по здравому разсужденію, то, что есть, не быть не можетъ. Это уже аксіома, вообще принятая всѣми философами. Лавенетъ можетъ претерпѣть кораблекрушеніе, если это ему пріятно. Ему только не доставало привычки дышать также свободно подъ водою, какъ и на ея поверхности; только съ нѣкотораго времени онъ долженъ былъ этому понаучиться. Я, съ своей стороны, очень радъ, что могъ ему способствовать въ такомъ усовершенствованіи.

— Какъ, какъ! Претерпѣть кораблекрушеніе!... Да развѣ, можетъ быть?... Ахъ! Боже мой.... А я еще думалъ совсѣмъ другое? Вѣроломный г. де-Ла-Гарпъ!... Этотъ чудовищный человекъ меня губить съ своими *пловучими городами!*... Ахъ! Боже мой!...

— Еще ничего! сказалъ, приподнимаясь капитанъ Флоттаръ. Надобно воспользоваться такою краткою отерочкою. Съ вчерашняго дня, это для насъ первый счастливый случай, а можетъ-быть, и послѣдній.

Съ этими словами онъ проворно побѣжалъ въ свою каюту; подвязалъ себѣ поясъ, въ который насыпалъ золота; вооружился пистолетами и кортикомъ; взялъ комнасть, нѣсколько морскихъ картъ, карандашей и бумаги; вынулъ изъ своего портфеля денешн, которыя поручено было ему доставить на Французскую эскадру въ Индійскомъ-морѣ; свернулъ ихъ, положилъ въ жестяную трубку, вмѣстѣ съ нѣсколькими бумагами принадлежащими его экипажу; повѣсилъ все это съ боку на длинномъ

свуркъ, надѣтомъ на шею; послѣ этого онъ вышелъ на палубу, чтобы дать такія приказанія, которыя по обстоятельствамъ были нужны.

V.

Послѣднія слова командира поразили разсудокъ Робертъ-Роберта внезапнымъ свѣтомъ.

— Ахъ, Боже мой, подумалъ онъ, что будетъ съ этимъ несчастнымъ!... Никто объ немъ и не думаетъ!... Мнѣ надобно объ немъ позаботиться; я всему причиною, и никогда не прощу себѣ его гибели!

Съ этими словами, нашъ герой слушалъ только внушенія своего челоуѣколюбія. Не смотря ни на какія затрудненія, ни на безчисленныя опасности, съ которыми сопряжено было его предпріятіе, онъ проворно спустился внизъ по трюмному трапу, осмотрѣлся какъ могъ лучше въ тамошнихъ мрачныхъ глубинахъ, шелъ ощупью, и наконецъ достигъ до львиной дымы, повернулъ огромнымъ ключомъ, который ему попался подъ руку, отомкнулъ замѣкъ и съ величайшимъ трудомъ могъ отворить дверь на ея заржавѣлыхъ петляхъ, потому-что позади ее было уже на четыре фута воды, которая ее удерживала.

— Скорѣе, скорѣе выходите! кричалъ онъ.

Гриффару, непримиримому врагу своему, съ опасностію собственной своей жизни, Робертъ-Робертъ говорилъ въ такую минуту эти полныя великодушія слова. Такое неожиданное пособіе не могло подоспѣть болѣе кстати. Еще нѣсколько минутъ, и арестантъ захлебнулся бы. Онъ былъ уже въ водѣ по поясъ. Робертъ-Роберту не было надобности повторять свое приглашеніе; Гриффаръ вышелъ и благодарилъ своего избавителя; но онъ это сдѣлалъ съ такимъ униженнымъ, съ такимъ жалкимъ, съ такимъ смущеннымъ видомъ, котораго подложность явно оказывалась по преувеличенію, такъ что легко можно было видѣть, что его сердце оставалось чуждо выраженіямъ признательности, которыя приличіе насильно извлекало изъ устъ его. Благородный поступокъ Робертъ-Роберта былъ новымъ оскорбленіемъ для Гриффара. Правду говорятъ, что благодарность есть самая рѣдкая добродѣтель. Для нѣкоторыхъ

впрочемъ не многихъ людей это какая то тягость, которая ихъ беспокоитъ, гнететъ, и которую они выносятъ съ какою-то досадою, пока не сыщутъ благопріятнаго случая, чтобы ее съ себя свергнуть. Такой случай рано или поздно представляется: довольно и самаго малѣйшаго предлога. Если выйдетъ такъ, что случай этотъ представится замедлить, то у нетерпѣиваго никогда не будетъ недостатка чтобы предлогъ выдумать. Таковы по большей части добрые. Что касается до злыхъ, то ненависть, а не благодарность, возбуждаетъ въ ихъ сердцахъ услуга. Обязать ихъ — значитъ унижить. Они отомстятъ за благодѣяніе, точно какъ за обиду. Грустно говорить это, но оно справедливо. Все-таки изъ всѣхъ пороковъ самый гнусный есть неблагодарность! Это порокъ самый низкій, самый ненавистный, самый безчестный! Это такой порокъ, который ставитъ человѣка ниже скота, потому-что скоты помнятъ добро, имъ сдѣланное.

— Вы мнѣ ничемъ не обязаны, отвѣчалъ Робертъ-Робертъ на высокопарныя увѣренія Гриффара. Мнѣ желательно думать, что на моемъ мѣстѣ вы поступили бы точно также. Къ тому же вы поблагодарите меня въ болѣе удобное время. Теперь позаботимся о томъ, что нужиѣ. Скорѣе, скорѣе пойдете на-верхъ!

Оба пренебрежительно взбѣжали наверхъ.

Командиръ снова распоряжался съ тою высокою дѣятельностью, которая возбуждаетъ въ другихъ мужество. Его присутствіе духа оставалось непоколебимо, и имѣя въ виду болѣе пользу другихъ, чѣмъ свою собственную, онъ готовъ былъ бороться до послѣднихъ силъ съ самыми непреодолимыми бѣдствіями. Онъ приказалъ вынести изъ внутреннихъ частей фрегата и сложить на самомъ надежномъ мѣстѣ палубы все, что еще возможно было спасти: оружіе, снаряды, жизненные припасы. И между тѣмъ, неутомимый морякъ продолжалъ прислушиваться ко всякому звуку внутри фрегата.

VI.

— Спасайся, кто можетъ! вскричалъ онъ наконецъ. Всѣ на палубу! всѣ на шканцы!

Вода хлынула, пробравшись въ широкія щели, въ нижнихъ ча-

стяхъ фрегата, и поднималась въ одного этажа въ другой. Постепенное свое прибавленіе она обнаруживала глухимъ шумомъ, отдаленнымъ, ужасающимъ, который шелъ съ самаго низа трюма, и все усиливался съ большимъ свирѣпствомъ. Смертый воздухъ въ фрегатѣ гнало водою въ верхнія части, и онъ, не находя себѣ довольно скорого выхода, взорвалъ переднюю настилку на палубѣ. Можно было подумать, что это взрывъ какого-нибудь подкопа. Все было кончено. Море захватило уже во власть свою всю внутреннюю часть, ему оставалось завладѣть только снаружн небольшимъ мѣсточъ на палубѣ, куда капитанъ, по предусмотрительности своей призвалъ большую часть товарищей своихъ въ бѣдствіи. Этого дожидаться было не долго. Малѣйшій ударъ, и все было бы поглощено.

Что было дѣлать?

Волнами переломало всѣ гребниыя сула, осталось только одно, которое сохраняло еще видъ шлюпки, не смотря на множество поврежденій. Шлюпку эту отвязали и спустили на воду. Почти всѣ бросились къ ней. Тутъ происходили ужасныя сцены. Другъ друга толкали, ругали, угрожали, дрались, чтобы очистить себѣ мѣсто и пробраться на шлюпку. Наконецъ оттолкнувъ веслами всѣхъ, которые намѣревались еще помѣститься, первымъ попавшимъ въ шлюбку удалось дать ей ходъ. Только увы! число ихъ много превосходило силу этой утлой лалы, куда, къ тому же, со всѣхъ сторонъ такъ и стремилась вода. Борты едва только на нѣсколько футовъ выходили изъ поверхности моря. Свирѣпыя волны наконецъ ее совсѣмъ изломали и залили. Едва ли отошла она на пятьдесятъ сажень, какъ увидѣли, что она опускается, и исчезаетъ, оставивъ по себѣ падъ бездною только маленькій водоворотъ, который также скоро пропалъ. Огромныя акулы, которыхъ обжорливое стадо слѣдовало за фрегатомъ съ самаго начала бури, тотчасъ бросились на тѣхъ изъ погибавшихъ, которые пытались бороться съ волнами, и сожрали такую легкую добычу. Никто опять и не показался.

Командиръ употреблялъ всѣ усилія, чтобы властію своею прекратить кровавую борьбу этихъ бѣшеныхъ. Матросы толпились вокругъ него съ блѣдными лицами, дикими взорами, въ ошеломленіи отъ столькихъ постигшихъ ихъ бѣдствій, и все-таки возлагая на него послѣднюю свою надежду, умоляя взорами, наблюдая за малѣйшимъ его движеніемъ, ожидали съ ужасною

тоскою, чтобы онъ произнесъ хотя одно слово; такова была еще ихъ вѣра въ его мужество, способности, долговременную опытность, что имъ казалось несомнѣннымъ, что это слово дастъ имъ способъ къ спасенію.

Оставалось одно средство. Командиръ сказалъ только слово, и всѣ окружавшіе его, полуживые, ожили какъ будто бы какимъ-нибудь чудомъ. Тотчасъ собрали всѣ обломки носовой части. Отрубили всѣ тѣ доски, до которыхъ достать можно было. Ихъ сплотили на водѣ, вдоль бортовъ фрегата. Къ счастью, волненіе начало утихать мало-по-малу. Эти обломки разнаго вида клали одни поперекъ другихъ, крестъ на крестъ, плотили ихъ между собою, какъ можно лучше, и связывали крѣпко канатами. Посрединѣ поставили обломокъ мачты, которую утвердили протянувъ съ самага верху во всѣ четыре стороны веревки, сколько возможно далѣе отъ ея основанія. Подняли и укрѣпили парусъ. По томъ приладили длинную доску на одномъ краю плота, на стержнѣ, въ видѣ руля. По обоимъ бокамъ прикрѣпили весла. Позади растянули на шестахъ лоскутья парусины. Подъ эту палатку перенесли все, что только можно было спасти, какъ изъ жизненныхъ припасовъ, такъ и снарядовъ: сухари, муку, вино, ромъ, водку, порохъ, канаты, пули, пистолеты, топоры, сабли, карабины. Работали такъ усердно, что къ вечеру все было готово. Потомъ перешли на плотъ въ величайшемъ порядкѣ. На плоту имѣли возможность помѣститься всѣ безъ исключенія. Наканунѣ было еще до пяти сотъ человѣкъ, а теперь насчитали только восемьдесятъ два! Въ числѣ ихъ были командиръ, докторъ, Симонъ-Баригуль, Парижанинъ, Вѣкша, длинный Фландринъ, Лавенетъ, Гриффаръ и Робертъ-Робертъ.

Пора имъ было покинуть палубу *Быстрой*. Едва только успѣли перейти на плотъ, какъ послѣ новаго толчка фрегатная корма погрузилась. Все исчезло. Такое поглощеніе едва не сдѣлалось пагубно для плота. Онъ былъ прикрѣпленъ веревкою къ сѣткамъ фрегата, которымъ его влекло тоже въ пучину. Раздались ужасные крики отчаянія, хотя никто не постигалъ причины такого новаго бѣдствія. Наконецъ, по какому-то не разгаданному случаю, Робертъ-Робертъ примѣчаетъ гибельную связь; схватываетъ топоръ, кидается, и однимъ ударомъ перерубаетъ ее.

Продолжительное ура! раздалось при такой важной услугѣ.

Нетвердый плотъ удержался на поверхности бездны, сдѣлавшись послушнымъ игралищемъ малѣйшаго вѣтерка, малѣйшаго волненія.

ГЛАВА XVI.

Плотъ. — Продолженіе фантастической исторіи Бенедикта-Ларутина.

I.

Куда вѣтромъ или волнами понесетъ его? Не знали про то несчастные, которыхъ колыхало на немъ въ неизмѣримомъ пространствѣ. Но такова была минувшая опасность, что теперь они считали себя спасенными, хотя только самое малое пространство отдаляло ихъ отъ того мѣста, гдѣ на ихъ глазахъ, часовъ за пятнадцать, море пожрало столько товарищей ихъ. Радость ихъ доходила до изступленія. Они хохотали, прыгали, брали другъ друга за руки, поздравляли другъ друга, обнимались съ самымъ трогательнымъ сердечнымъ изліяніемъ. Правда, что ихъ утомили ужасающія ощущенія; такъ они ослабѣли отъ голода, такъ измучились отъ трудовъ, что были уже не въ силахъ помышлять о будущемъ.

Только тутъ въ первый разъ командиръ приказалъ раздать имъ двойную порцію сухарей и водки. Они радостно чокались и пили за его здоровье, за здоровье императора, за славу Франціи, за благополучное путешествіе ихъ ненадежнаго корабля. Послѣ этого нечего было имъ дѣлать, кромѣ того, какъ предаться на произволъ волнъ и на волю Провидѣнія; они растянулись, какъ ни попало, на влажномъ ложѣ, которое представлялъ имъ плотъ, и заснули, такимъ спокойнымъ сномъ, какимъ можетъ-быть, еще никогда не спыали.

Докторъ ходилъ отъ одного къ другому, употребляя сколько онъ могъ спасти бинтовъ и корпій на перевязку тѣхъ, которые сильнѣе были ушибены, тяжелѣе ранены. Изумительное его усердіе ни въ какомъ случаѣ не измѣнялось.

Лавенетъ, безъ сомнѣнія, былъ очень доволенъ, что отдѣлалъ

ся нѣсколькими ушибами : по его вымоченная водою одежда ужасно охлаждала его радость, особливо съ наступленіемъ ночи. Узкая досчатая постель , на которой сильно тѣснили его сосѣди, была очень далека отъ уславительной уюгости молодого пуха гусей Бретани. Къ тому же надобно присовокупить, что изъ этой постели мѣстами торчали гвозди. Именно по самой срединѣ его особы, маленькимъ гвоздикомъ его ужасно кололо. Какъ ни старался онъ перемѣнить свое положеніе, какъ ни ворочался безпрестанно, какъ каритъ на сковородѣ, когда его жарятъ , все никакъ не могъ избавиться отъ колючихъ нападеній этихъ неотвязныхъ непріятелей. Бѣднякъ не переставалъ жаловаться.

— Да, ради Бога, когда кончится эти бѣдствія, которыя ваяются на мои плеча, не давая ни на минуту отдыха, съ самой той поры, какъ я имѣлъ глупость прикоснуться до ихъ *пловучаго города!* Хорошъ теперь ихъ *пловучий городъ!* Поди ка понищи свой *пловучій городъ!* Поди-ка, поди, поймай его на удочку!... Хотѣлось бы мнѣ знать, какъ г. де-ла-Гарпъ назвалъ бы также этотъ плоской черепокъ, на которомъ мы теперь катаемся!... Ахъ, проклятый гвоздь!... Ты бы, навѣрное, назвалъ его пловучимъ предметіемъ, обманщикъ! Ой! ой! ой!... Скажите еще, мнѣ нельзя было спасти ни одной туфли, ни одного халата, ни одного колпака!... А я такъ боюсь вечерней росы! И простудить ноги! А особенно боюсь сырости!... Ай!... Я такого слабого сложенія; мнѣ бы никогда не надобно было выходить изъ ящика съ хлопчатой бумагою!... Вотъ , уберегись отъ насморка!... Если бы, по-крайней мѣрѣ, теперь было у меня сколько нибудь сабайону, чтобы разогрѣться, такъ еще бы пускай!... Ахъ дьявольской гвоздь!...

Такъ жаловался Лавенеть.

Молодой его спутникъ въ эту минуту предавался менѣе славостолубивымъ размышленіямъ. Воздухъ былъ свѣжъ, но чистъ; небо совершенно прояснѣло; луна свѣтила въ тропической синевѣ; море болѣе не бушевало и слегка покачивало ненадежное убожище жертвъ своихъ; и высокія волны, которыя рябили вдали, горизонтально глазамъ Робертъ-Роберта, казались пространнымъ долиною, устланною драгоценными съ серебряною оправою камнями, кучи которыхъ безпрестанно рассыпались. Такой видъ имѣлъ печальную прелесть, къ которой воображеніе его не могло оставаться не чувствительнымъ. Онъ сѣлъ возлѣ командира, прилегъ въ-половину, облокотился, подперъ голову

рукою, и смотрѣлъ вдаль. Потомъ задумался. Переходя отъ одной мечты къ другой, онъ далъ себѣ волю увлечься плачевными и усадивательными воспоминаніями, которыя переносили его мысли далеко, подъ материнскій кровъ, гдѣ въ эту минуту возносились къ небу трогательныя за него молитвы, сладкій душевный фимиамъ!

Командиръ сѣлъ задумчиво у руля, уставивъ глаза на компасъ, и одинъ заботился за всѣхъ.

II.

Парижанинъ прибѣгалъ къ страннымъ успокоивающимъ средствамъ, чтобы утишить нравственное раздраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить физическое изнеможеніе своихъ товарищей. Какъ скоро наступала вечеръ, а вмѣстѣ съ нимъ приходилъ и аппетитъ, онъ спѣшилъ разсказать имъ какую-нибудь сказку изъ многочисленнаго своего запаса, вмѣсто укрѣпительнаго. Онъ разсказывалъ имъ до-тѣхъ-поръ, пока они не засыпали; и не разъ случалось, что шутливый голосъ ихъ любимаго рассказчика заставлялъ ихъ, хотя на минуту, забывать свои горести.

Однажды ввечеру (это было въ седьмой день ихъ грустнаго плаванія) Парижанинъ, замѣтивъ между кучками, которыя стояли напередѣ плота какое-то необыкновенное движеніе, закричалъ громкимъ голосомъ:

— Ей! ребята, ступайте сюда! Я начну обыкновенную раздачу шуточной порціи. Кому угодно? Кто прикажетъ, чтобы я его попотчивалъ блюдомъ моего мастерства?

Сказавъ это, Парижанинъ усѣлся между блѣдными слушателями, которые разлеглись вокругъ его; по убѣдительной просьбѣ Лавенета, онъ началъ такъ:

III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ ЗНАМЕНИТАГО МОЕГО ДВОЮРОДНАГО БРАТА ВЕНЕДИКТА ЛАРУТИНА, И О ДАЛЬНЕМЪ ЕГО ВОЛЖѢ НА САМЫЙ ЗАДНІЙ КОНЕЦЪ ЛУНЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

— Ну вотъ, сказалъ Парижанинъ, мы оставили моего двою-
К. Х. — Отд. IV.

родного брата Ларутина на верхушкѣ большого алмаза, къ которому онъ пристаѣтъ съ своимъ шаромъ, пролетѣвъ отъ Парижа на луну въ пятнадцать часовъ тридцать пять минутъ.

«У насъ съ нѣкотораго времени появилось цѣлое общество шутовъ, которые себѣ на забаву рассказываютъ разныя пустяки про луну, и увѣряють, будто-бы видѣли въ лорнетъ свой. Это все шутки. Вотъ что говоритъ двоюродный братъ мой: и это расказъ единственно справедливый и неподдѣльный.

«Ну вотъ, мой двоюродный братъ окинулъ глазами вокругъ себя, съ высоты этого величественнаго алмаза, который втрое былъ выше самыхъ высочайшихъ горъ на земномъ шарѣ. Одно-го взгляда было для него довольно, чтобы убѣдиться въ томъ, что теперешнее его мѣстопробываніе нисколько не походило на то, которое онъ по глупости своей покинулъ. Было различіе во всемъ, и въ формахъ, и во вкусахъ, и въ запахахъ, и въ цвѣтахъ. Это ему показалось глупо.

«Прежде всего лунное солнце показалось ему темнофіолетоваго цвѣта, точно какъ будто бы онъ смотрѣлъ на него въ цвѣтное стекло. Пространная равнина, которой не видать было конца, также казалась ему очень смѣшною. Онъ увидѣлъ на этой равнинѣ двѣ большія рѣки, въ которыхъ, въ одной, ему показалось, течетъ расплавленное золото, а въ другой такое же серебро. Видно было множество деревень, которыя такъ и блистали, точно какъ выстроенныя изъ жемчугу, а крыши у нихъ были изъ широкихъ изумрудныхъ пластинъ. Онъ увидѣлъ цѣлые лѣса лимонныхъ деревьевъ, вышиною разъ въ двадцать болѣе нашихъ тополей; плоды на нихъ были съ порядочную бочку. Тѣ деревья, которыя онъ усмотрѣлъ ближе къ себѣ съ своей алмазной верхушки, и которыми такъ и усыяно было вокругъ все мѣсто, показались ему также чрезвычайно странны, хотя ростомъ и не такъ были высоки. Онѣ были не выше четырехъ или пяти сотъ футовъ. Это были, такъ сказать, тамошніе кустарники. Высоко не росли они, безъ сомнѣнія, отъ того, что алмазъ, какъ растительная почва, далеко не такъ хорошъ, какъ золотая съ рубинами земля въ долинѣ. Всѣ деревья были различныхъ цвѣтовъ: одни пунцовыя, другія желтыя, третьи амарантовыя, и такъ далѣе. Что за восхитительный былъ видъ, а особливо отъ плодовъ, которыхъ было всемеро болѣе, чѣмъ листьевъ.

«Двоюродный братъ мой протянулъ руку къ ближайшему

дереву и сорвалъ одинъ плодъ. Это была слива, или лучше сказать черносливянка, потому-что на лунѣ всѣ плоды родятся уже варенье. Двоюродный братъ мой поднесъ ее ко рту, по привычкѣ, в тотчасъ съ омерзеньемъ кинулъ. Никогда ничего еще не отвѣдывалъ онъ такъ вкуснаго, да все-таки это было новое.

«Движеніемъ своимъ онъ разбудилъ множество маленькихъ птичекъ, которыя покоились на вѣткахъ этого сливнаго дерева. Какихъ птичекъ тутъ не было: маленькіе орляки, маленькіе коршуны, маленькіе копчики; всѣ не больше, какъ въ палецъ величиною, да такіе красивенькія перушками, что такъ бы и хотѣлось ихъ проглотить живыми. Только что эти маленькія животныя его увидѣли, тотчасъ полетѣли къ нему; одни сѣли на плечо, другія на голову, вѣны на руки, и дружески поковылали его носиками. Одинъ только маленькой воронъ преспокойно остался на своемъ деревѣ, и началъ пѣть во сто разъ лучше нашихъ здѣшнихъ соловьевъ. При видѣ такой хищной канарейки перепугались орлы, копчики и коршуны, и тотчасъ запрятались въ самую густоту вѣтокъ. Воронъ прекратилъ свое мелодическое карканье.

«Еще болѣе ошеломило моего двоюроднаго брата, когда онъ, почувствовавъ, что его что-то щипнуло за щеку, схватился проворно за нее рукою, и поймалъ маленькаго слоника, который величиною едва ли былъ съ обыкновеннаго нашего муравья. Этому слонику, въ совершенномъ словесномъ составѣ, вздумалось поработать своимъ хоботомъ и покормиться. Мой двоюродный братъ, съ досады, раздавилъ его двумя пальцами. Только онъ не отдѣлался отъ этой слоновой породы! Посмотрѣлъ и увидѣлъ себя всего усыпаннымъ такими же слониками, которые образовали дорожку отъ самаго ворота его платья до сливнаго дерева, на которомъ эти плѣнительныя насѣкомыя свили себѣ гнѣздо.

«Да, Боже мой! гдѣ это я? вскричалъ онъ: гдѣ я? гдѣ я? Этого никогда не видано.

На него нашелъ еще гораздо большій страхъ, когда онъ услышалъ въ воздухѣ, какъ будто бы что-то летитъ, а по землѣ отбросило двѣ огромныя тѣни, и вмѣстѣ съ тѣмъ до слуха его дошелъ слѣдующій разговоръ:

— «Посмотри-ка жена, какое странное животное, тамъ на скалѣ! Что бы это такое было?

щійся, отъ того, что все ему показалось чудо-какъ вкусно. Наконецъ недалеко отъ фонтана изъ подслащенной сахаромъ воды, вокругъ котораго росли кусты малины и клубники, вышиною футовъ въ тридцать, онъ увидѣлъ на изумрудныхъ камушкахъ, которыми усыпана была земля вмѣсто песка, съ сотню премиленькихъ лягушекъ, которыя, раздѣлаясь на небольшія кучки, казалось, занимались различнымъ образомъ. Однѣ прогуливались и переважно разсуждали между собою. Другія квакали дуэть, съ прибавленіемъ соло и хоровъ, съ такою вѣрностью, какъ любія пѣвицы комической оперы. Другія играли въ жмурки, въ чехарду, въ фанты, въ прятки, въ четыре угла, въ горѣлки и въ кучу другихъ невинныхъ игръ. Иныя танцовали, вальсировали, прыгали. Музыку составляли подюжвина кузнечиковъ и стрекозъ, которые были, повидимому отличнѣйшіе тамъ музыканты. Остатки сытнаго угощенія, какъ то малина, земляника, маленькія мушки, маленькія наѣкомыя всякаго рода, были разбросаны, и служили доказательствомъ, что гости накушались досыта.

«Только тутъ еще былъ не конецъ изумленію моего двоюроднаго брата Ларутина.

«Первое, что ему попалось на глаза въ долину, лишь только сошелъ онъ съ своего алмаза, была каменоломня, вокругъ которой лежали неизмѣримыя глыбы сахара, отъ природы рафинированнаго. Потомъ онъ увидѣлъ въ лимонномъ лѣсу цѣлую стаю зайцевъ, которые гнались по слѣду за преогромнымъ бульдогомъ. Потомъ, на противоположной сторонѣ онъ замѣтилъ лужекъ, и на немъ стадо волковъ, тигровъ, львовъ барсовъ и носороговъ, которыхъ стерегъ кто-то, лежа на землѣ, или лучше сказать на лунѣ, дальность разстоянія не дозволяла разсмотрѣть порядочно его формы. Тучный баранъ сидѣлъ на заднихъ ногахъ возлѣ пастуха, и караулилъ за этимъ диковиннымъ стадомъ, и бѣгалъ туда и сюда, чтобы согнать на мѣсто какого-нибудь заблудшаго волка, или тигра, кусая изо всей силы виновнаго за лапы.

«Ларутину показалось даже, что курица гонитъ цѣлое стадо лисицъ. Впрочемъ, онъ мнѣ признавался, что никакъ не посмѣетъ ручаться въ истинѣ этого послѣдняго событія, потому что его такъ безпрестанно озадачивали разныя невиданныя и неслыханныя диковинки, что онъ боялся слѣзаться жертвою ома-

ченія какимъ-нибудь призракомъ. Такая воздержность въ разсказахъ дѣлаетъ величайшую честь его откровенности, и служить высокимъ ручательствомъ за правдивость всего оставшаго.

«Ну вотъ, та самая дорога, которою шелъ Ларутинъ, вела къ столицѣ тамошнихъ мѣстъ, къ великолѣпному городу Крррр ствмфбхкднху. Надолбы изъ краснаго дерева означали дорогу, чтобы съ нея путники не могли сбиться. Эта дорога была превосходно содержима, такъ какъ и прилежавшія къ ней проселочныя дороги. Вся разница была въ томъ, что большая дорога была вымощена большими алмазами, съ тротуарами по сторонамъ изъ порфира, а проселочныя просто усыпаны толстымъ слоемъ жемчуга. Чистота вездѣ была одинакова. Мой двоюродный братъ не въ силахъ былъ опомниться, потому что кромѣ Франціи нигдѣ не бывалъ, и на этотъ разъ имѣлъ полное право воскликнуть: Да этого никогда не видано было!

«Одно его только немножко беспокоило, а именно золотая пыль, которую общественныя кареты, везомыя огромными муравьями, поднимали отъ времени до времени, и которую вѣтромъ несло ему прямо въ носъ, а вѣтеръ этотъ пахнулъ чудесно—португальскою водкою. Упряжные муравьи, увидя его, перепугались, и нѣсколько, изъ нихъ, закусивъ удила, понесли изъ всей силы.

«Впрочемъ, съ этой дороги можно было любоваться очень пріятными видами. Окружныя поля являли чудесное обиліе въ произрастеніяхъ. Тамъ были свеклы длиною въ двѣсти шестьдесятъ пять футовъ; рожь такая высокая, что каждый колосикъ былъ выше колоколенъ на нашихъ соборныхъ церквахъ; картофелины въ триста фунтовъ вѣсомъ, а огурцы, тыквы и грузди такіе огромные, что надобно было не менѣе десяти минутъ, чтобы обойти ихъ вокругъ. Вся зелень, цвѣты и фрукты были въ той же соразмѣрности.

«Но, праведное небо! кричалъ мой двоюродный братъ, вырывая у себя отъ изумленія волосы: какое плодородіе! какіе соки! какое изобиліе! Да этого никогда и не видано было.

«Между тѣмъ два лунатика, которыхъ мой двоюродный братъ Ларутинъ уже видѣлъ, распространили по тамошнему мѣсту треногу.

—«Зазвонили во всѣ колокола по всему лунному краю, за-

били въ барабаны, затрубили въ трубы, выпалили изъ пушки въ знакъ тревоги. Поднялась такая сильная сумятица, по причинѣ огромности инструментовъ, что двоюродный братъ мой оглохъ на правое ухо. Вся столичная полиція пришла въ движеніе; національная гвардія вылетѣла и построилась на воздухѣ въ боевой порядокъ; смотрители сѣли верхами на огромныхъ кузнечиковъ, которые у нихъ тамъ замѣняютъ верховыхъ лошадей. Мало-по-малу, мой двоюродный братъ увидѣлъ впереди, по той дорогѣ, по которой онъ шелъ, всѣ силы этого знаменитаго королевства.

«Такъ какъ не отваживались напасть прямо на такое диковинное животное, то употребили хитрость: вдоль по дорогѣ надышали ловушекъ, которыя употребляютъ на лунѣ, чтобы ловить майскихъ жуковъ. Двоюродный братъ и не подумалъ подозрѣвать тутъ какой-нибудь плутни, и кракъ! ступилъ ногою прямо въ одинъ такой кашканъ, и завязъ по самую икру. Нѣтъ еще и шести лѣтъ, какъ онъ мнѣ показывалъ, какіе у него послѣ этого остались на ногѣ знаки. Тутъ бросились на него, связали и повели съ торжествомъ въ королевскій звѣринецъ въ Кррррстгмфбхднгзхѣ, котораго ему предстояло сдѣлаться забавою и украшеніемъ.

«Ну вотъ, когда моего двоюроднаго брата Ларутина посадили въ приготовленную для него золотую кѣтку....»

XVII.

Продолженіе фантастической исторіи двоюроднаго моего брата Ларутина и о дальнемъ его волжѣ на луну.—Часть третья. Звѣринцы и ученые академіи на лунѣ.—Какого шума надѣлалъ двоюродный братъ мой на лунѣ, и какого высокаго почтенія онъ тамъ былъ удостоенъ.—Истинное изображеніе жителей луны и животныхъ, которыя служатъ ей украшеніемъ.—Важный споръ моего двоюроднаго брата съ гигантскою блохою.—Стой!—Продолженіе и конецъ фантастической исторіи Ларутина.—Брррррррр.—Великое торжество.—Достопримѣчательное свиданіе моего двоюроднаго брата Ларутина, съ добродѣтельнымъ и толстымъ Брррррррр.—Картина великолѣпнаго города Кррррстгмфбхднгзхѣ.—Его званія, нравы, об-

щественные памятники, заведенія.—Безкорыстіе тамошнихъ чиновниковъ и другія рѣдкія и любопытныя вещи. Какимъ образомъ мой двоюродный братъ сдѣлался причиною раздора въ лунномъ народѣ. — Дѣло становится еще болѣе сложнымъ. Всеобщій пожаръ. — Срашная схватка. — Какимъ образомъ лунные жители ведутъ войну. — Сраженіе бѣлою трагедіею. — Нападеніе чувствительнымъ романомъ, и пр. и пр. — Отчаянная рѣшительность моего двоюроднаго брата Ларутина. — Достопримѣчательная рѣчь его по этому предмету.—Какъ онъ поступилъ, чтобы выпутаться изъ бѣды.—Безпльная печаль Бррррррръ и Кррррррръ. Счастливаго пути!—Заключеніе *фантастической исторіи моего двоюроднаго брата Ларутина.*—Возвратъ къ дѣйствительности.

I.

Погода была прекрасная и вѣтеръ дулъ попутный. Плоть съ легкостью скользилъ по гладкой поверхности моря, въ томъ направленіи, по которому согласно съ компасомъ и морскими картами, капитанъ полагалъ достигнуть береговъ Африки. Но двѣсти миль отдѣляютъ ихъ отъ этой столь желанной земли, тысячи опасностей ихъ окружаютъ, лишенія всякаго рода даютъ себя чувствовать, и въ скоромъ будущемъ угрожаютъ имъ еще горчайшими испытаніями. Такія грустные обстоятельства не могутъ изгнать изъ душъ этихъ несчастныхъ гвѣздящагося въ нихъ ужаса.

Чтобы отвлечь ихъ, если только можно, отъ такихъ вредныхъ занятій, Парижанинъ опять прибѣгнулъ къ неодолимой веселости своихъ разсказовъ. Природный умъ его, долговременная жизнь въ Парижѣ, полуобразованіе, которымъ онъ тамъ воспользовался, и неистощимая охота къ балагурству, давали ему всю возможность одержать верхъ надъ мрачною задумчивостью. Мѣстность и цѣль придавали такому подвигу, повидимому, не большой важности, чтѣ-то высокое и даже трогательное. Парижанинъ внутренно претерпѣвалъ не менѣе, а можетъ-быть еще и болѣе другихъ его товарищей; но этотъ добрый матросъ понималъ, что наступила та минута, въ которую надобно имѣть веселости за всѣхъ, потому-что въ подобномъ случаѣ веселость есть мужество.

Парижанинъ подозвалъ къ себѣ своихъ товарищей точно такъ же, какъ это дѣлывалъ въ самое лучшее время ихъ плаванія; онъ сѣлъ посреди ихъ, и началъ продолжать исторію, которую хотѣлъ рассказать имъ, слѣдующими словами:

II.

Продолженіе фантастической исторіи знаменитаго моего двоюроднаго брата Венедикта Ларутина и о дальномъ его вояжѣ на самый задній конецъ луны.—*Часть третья.*

«Ну вотъ, сказалъ Парижанинъ: звѣринецъ, куда отнесли моего двоюроднаго брата Ларутина, былъ построенъ поистинѣ съ трогательною простотою: просто изъ точенаго порфира съ алмазными яслями. Кажется, на лунѣ любятъ также заводить большія коллекціи животныхъ всякаго рода, для забавы тамошнихъ ротозѣевъ и нянюшекъ. Только, по-крайней-мѣрѣ, тамъ гоняются болѣе за тѣмъ, что помѣщается, чѣмъ за самымъ помѣщеніемъ.

«Моего двоюроднаго брата Ларутина заверли въ одну изъ такихъ золотыхъ клітокъ, о которыхъ я имѣлъ честь вамъ докладывать. Онъ тогда наслаждался несвоевременнымъ голодомъ, потому-что у него ничего не было во рту послѣ того, какъ онъ сѣлъ кусочекъ лепешки на Марсовомъ-полѣ, въ Парижѣ, любуясь шаромъ, на которомъ ему пришлось такъ забавно прогуляться по воздуху. Такъ какъ ему очень хорошо былъ знакомъ парижской ботанической садъ, и онъ почти каждый день могъ видѣть, съ какою нѣжною заботливостію тамъ ухаживаютъ за звѣрами, то онъ и надѣялся скоро прекрасно покушать на счетъ лунныхъ доходовъ, и это его на минуту утѣшило отъ огорченія, которое ему причинили, помѣстивъ его въ клітку. Къ сожалѣнію только, онъ разсчитывалъ, какъ говорится, безъ хозяина, то-есть безъ тамошней академіи наукъ; потому-что великолѣпный городъ Крррррствамифбхкднгзхъ украшенъ академіями почти въ такомъ же числѣ, какъ и межевыми столбами.

Тамъ нѣтъ ни протекцій, ни интригъ, ни нарушенія правилъ. А поэтому тамъ только и есть одинъ родъ лунатиковъ, которые ставятъ ни во что это учрежденіе: именно тѣ, которыхъ само учрежденіе ни во что не ставитъ.

«Потомъ есть академія надписей, которая проводитъ все время въ томъ, что разбираетъ старыя каменья, старыя обломки стѣнъ, старыя черепки посуды, старыя обломки желѣза. Принесите имъ все, что ни вздумается вамъ, только чтобы было старое, изношенное, заштопанное, изломанное и покрытое на футъ пылью, вамъ тотчасъ скажутъ, откуда оно, сколько должно быть ему лѣтъ, кому принадлежало, чьей работы, для кого, на что, какъ было сдѣлано, и множество другихъ истинъ, не менѣе полезныхъ для славы и благосостоянія луны. Лунатики не разъ крѣпко надъ ними подшучивали. Забавники приносили къ нимъ разбирать древности собственныхъ трудовъ своихъ, на которыхъ ничего рѣшительно не было видно. Академія торжественно объявляла имъ, что по времени, подлежало отвести это за-долго до потопа, и читала тамъ всякія вещи.

«Потомъ есть тамъ академія и политическихъ наукъ. Она имѣетъ назначеніе заботиться о томъ, чтобы эти снадобья процвѣтали на лунѣ.

«Потомъ есть академія изящныхъ искусствъ. Ея обязанность сохранять прекрасную старину, поддерживать и распространять то, что у нихъ называется правилами хорошаго вкуса. Академія такъ хорошо выполняетъ свою обязанность, что если вѣрить тому, что говорятъ, такъ вкусъ у лунатиковъ совсѣмъ изказился, и что ихъ изящныя искусства непремѣнно скоро придутъ въ состояніе полного невѣжества. Члены ея получаютъ за то большое содержаніе.

«Потомъ есть академія... Есть поющія, пьющія, ѣдящія, играющія, рисующія, ѣдящія верхомъ, хлѣбопашествующія, торгующія, говорящія рѣчи, пишущія, усыпляющія. Если оно пойдетъ такъ далѣе, то будутъ академія для чтенія, для письма, для жаренья, для мозолей, для способа, какъ разбивать яйца въ смятку, на все словомъ, да и еще на что-нибудь. Это академическое бѣснованіе есть одно изъ важныхъ неудобствъ на лунѣ: впрочемъ страна прекрасная!

«Ну вотъ, академія наукъ узнала по разнесшейся въ народѣ молвѣ, что странный звѣрь пойманъ въ окрестностяхъ Крррррствлмфбхдндгха, и отдалъ въ королевскій звѣринецъ. Большая часть членовъ была при этомъ очевидцами.

III.

«Ну вотъ, двоюродный братъ мой Ларутинъ непременно умеръ бы съ голода, еслибы любоньтные, вяльки, франты и маленькіе ребятишки не кидали ему разныхъ лакомствъ, для собственной своей забавы. Эти лакомства состояли изъ тамошнихъ конфетъ, то есть въ вареномъ въ сахаръ каргофелъ, въ турецкихъ бобахъ замороженныхъ и обсыпанныхъ рвотнымъ порошкомъ, въ горькихъ тыквахъ, обмазанныхъ горчицею, такъ какъ у насъ обмазываютъ пирожное сахарнымъ вареньемъ, и лепешечкахъ изъ ипекакуаны, которыя эти господа и госпожи носили съ собою въ прекрасненькихъ коробкахъ. Дѣти по большей части сосали тыквянные и артишковые стволы, точно какъ у насъ сосутъ сосульки изъ солодковаго корня. Только одинъ необычайный голодъ могъ принудить моего двоюроднаго брата попробовать такихъ яствъ. Ему давали ихъ сквозь рѣшетку его кѣтки, и надобно было посмотреть, съ какимъ страхомъ лунатики отхватывали свои руки, когда онъ протягивалъ руку, чтобы взять ихъ ужасные гостинцы!

«Боже мой, вскричалъ онъ, какъ глупы эти люди! Чего они боятся? Чего они отъ меня хотятъ? Къ кому они привязываются? За кого они меня почитаютъ? Кто они такіе? Я, кажется, все вижу во снѣ. Меня давитъ домовой во снѣ! Ничего этого нѣтъ! Это призракъ! Это невозможно! Этого никогда не видано.»

«Лунатики и съ своей стороны имѣли разговоры не менѣе сомнительные, потому-что и между ними были почти такіе же ротозен, какъ и мой почтенный двоюродный братецъ, и которые никакъ не могли опомниться отъ удивленія при видѣ такого существа, какого они еще никогда не видали.

— «Надобно признаться, говорилъ одинъ, что природа иногда очень забавна! Какой странный звѣрь, какая чудная голова! какія необыкновенныя перья!

«Платъ моего двоюроднаго брата разскащикъ почелъ за перья.

— «Можетъ-быть, вы не замѣтили, что всего необыкновеннѣе, сказалъ другой: у этого звѣря два глаза по обѣимъ сторонамъ носа. Два глаза! каково! вотъ, что забавно! У всякаго одушевленнаго существа есть два глаза, правда, только одинъ

наперед, а другой сзади. Природа, по своей предусмотрительности, хотѣла, чтобы мы видѣли въ одно и тоже время съ двухъ сторонъ. А два глаза одинъ возлѣ другаго! На что? Это уже такая роскошь, которой ничто оправданіемъ служить не можетъ. Развѣ тутъ только есть какая-нибудь ошибка со стороны природы. Доказательство, что этого никогда не видано!

— «Право! продолжалъ третій: не подивлюсь, когда мнѣ скажутъ, что этотъ звѣрь свалился къ намъ съ земли! Пойду, приведу сюда жену, чтобы показать ей: это ее позабавитъ.

«— Тити! Тити! сказала нянька подметая къ своему ребенку: подите сюда, баринъ. Да не летайте такъ скоро! Вы можете этакъ упасть, да сломать себѣ крылышко. Долго ли до бѣды! Дайте-ко мнѣ лапку, и оставайтесь со мною. Если не будете умники, такъ я скажу этому чудовищу, оно загрызетъ васъ!

«—Ну вотъ еще, сказалъ мой двоюродный братъ, они меня считаютъ за какого-то гризуна. Охъ, какъ глупы эти люди! Какъ видно, они никогда не вылезали изъ своей коры.

«Двоюродный братъ мой порядочно понималъ тѣ разсужденія, которыхъ онъ былъ предметомъ, точно такъ, какъ могъ бы понимать какое-нибудь нарѣчіе нашей земли. Пришлось ему порядочно наслушаться. Все народонаселеніе Кррррр-ствлмфбхдгнзха ежедневно толпилось передъ его кибиткою. Каждому хотѣлось посмотрѣть диковиннаго звѣря. Сколько при этомъ случаѣ народу передавали, передумали, а пуще всего обворовали. Особа моего двоюроднаго брата привела въ такое сильное движеніе всѣхъ на луиѣ, что пріѣзжали даже изъ другихъ королевствъ, и начали издавать особый журналъ, въ которомъ замѣчались всѣ малѣйшія его дѣйствія. Журналъ этотъ, выходилъ ежедневными листками, и былъ издаваемъ обществомъ ученыхъ, промышленниковъ, юристовъ и даже писателей. Общественный капиталъ двадцать пять милліоновъ милліоновъ, съ процентами, преміями, предварительными дивидендами. Десять тысячъ первоначальныхъ подписчиковъ получали каждый день, вмѣстѣ съ журналомъ, книги, вакеу, картинки, помаду, котлетку на завтракъ и кусокъ обтесаннаго камня для постройки дома, собирая мало-по-малу непримѣтнымъ образомъ. Все безъ малѣйшей надбавки въ цѣнѣ. Такой журналъ отъ каждаго подписчика выѣлъ убытокъ, за то имѣлъ преогромный барышъ отъ количества.

«Считаю излишнимъ прибавлять, что бюсты и портреты моего брата красовались по городу и были развѣшены въ магазинахъ астамповъ, новостей и всякой всячины. Такъ начинаютъ прославляться на лунѣ извѣстностью. Такъ часто оканчиваютъ у насъ на землѣ.

«Между тѣмъ, двоюродный братъ мой изучалъ ближе достойное любопытства лунное народонаселеніе. Къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя онъ уже сдѣлалъ, онъ имѣлъ возможность присовокупить слѣдующія. У всѣхъ лунатиковъ вообще волосы свѣтлоголубаго цвѣта, глаза красные съ желтымъ зрачкомъ, кожа на тѣлѣ зеленая, губы фіолетовыя и зубы прекраснаго чернаго цвѣта. Чѣмъ зеленѣе кожа, чѣмъ краснѣе глаза, чѣмъ чернѣе зубы, тѣмъ болѣе считается красы. Другое условіе красоты, по ихъ вкусу, состоитъ въ томъ, чтобы имѣть длинныя уши, какъ у нашихъ ословъ, ротъ въ полфута, носъ трубкою и такіе длинные зубы, которымъ бы у насъ позавидовалъ любой слонъ. Кто былъ одаренъ такими природными преимуществами, тѣ, повидимому, очень ими гордились и выступали гологами, съ такимъ чванствомъ, которое и у нихъ также смѣшно, какъ и у насъ. Долгота, гладость и лоскъ ихъ ногтей, которыя украшали ихъ руки и ноги, были также очень высокоцѣнными достоинства, въ особенности у особъ знатныхъ. Все остальное у нихъ было прикрыто плащомъ, котораго складки красиво обрисовывала талію, нисколько не мѣшая движеніямъ. Такой нарядъ гораздо предпочтительнѣе нашего, который такъ узокъ, такъ сжатъ, такъ не красивъ. Прически у нихъ нѣтъ. Шляпки у нихъ неизвѣстны, а картузныхъ мастеровъ они считаютъ за химеру. Природа снабдила ихъ волосами длинными, шелковистыми, густыми, они не имѣютъ глупости запрягивать волнистые локоны подъ безобразные головные уборы или уродливые бумажные чепчики. Наконецъ, кромѣ чрезвычайно стройныхъ ногъ, природа дала имъ крылья, которыя на солнцѣ блестятъ самыми яркими цвѣтами. Мой двоюродный братъ съ изумленіемъ любовался, какъ они то прогуливались около его, то поднимались на воздухъ, точно какъ стаи птицъ выются по волѣ надъ клѣткою, гдѣ томится въ плѣну имъ подобная птичка. Прибавьте, къ дополненію прелести, что у лунатиковъ голова четырехъ угольная, станъ четырехъугольный, ноги четырехъугольныя, все четырехъугольное. Зачѣмъ же и не такъ! Отложите въ сто-

рону привычку: чѣмъ круглое лучше четырехъугольнаго? Вообще очень не справедливы къ четырехъугольному.

«Тамошніе звѣри и скоты не менѣе изумляли моего двоюроднаго брата. Онъ видѣлъ, какъ множество маленькихъ носороговъ бѣгали, какъ у насъ собаки; дамы носили на рукахъ премиленькихъ верблюдицъ, точно какъ у насъ крошечныхъ болонокъ; прехорошенькіе дромадеріки бѣгали за господами своими на снурочкахъ; наконецъ барашки, настоящіе барашки, другая порода собаченокъ, подбѣгали къ его клѣткѣ, обнюхивали ее, и блѣяли, точно какъ будто бы хотѣли укусить. У нихъ бараны, кажется, презадорное животное.

«Что касается до остальнаго въ звѣринцѣ, то тамъ видны были садки, наполненные преогромными щеглами, преогромными чижиками, преогромными соловьями, преогромными зяблицами, преогромными подорожниками, все птицами хищными, къ загнутаго клѣву которыхъ не надобно было подносить близко палецъ.

«Отдѣленіе, занимаемое многоножками, заключало въ себѣ воловъ величиною не болѣе нашихъ мышей, мышей величиною съ нашихъ воловъ, стрекозъ, бабочекъ, мухъ колоссальнаго роста и очень свирѣпаго нрава. Народъ смотрѣлъ на нихъ съ трепетомъ. Всѣ эти звѣри испускали ужасный ревъ, въ особенности же одинъ майскій жукъ, котораго прозвали свирѣпымъ, за его дикость и звѣровидность. Онъ былъ помѣщенъ на днѣ пребольшой ямы, одинъ. Посрединѣ былъ врытъ высокій столбъ. Жукъ взлезалъ по этому столбу, и хотя былъ прикованъ къ нему крѣпкою желѣзною цѣпью, во все, казалось, такъ и готовъ былъ кинуться на любознѣтствующихъ. Никакъ не могли его привадить. Онъ переѣлъ всѣхъ своихъ наставниковъ въ образованіи. Лѣтописи звѣринца содержали прежалкія повѣствованія о дѣлахъ его. Жаль было слышать, какъ бывало начать про него разсказывать няньки, которыя подходили имъ полюбоваться! За-то, какъ и всегда это бываетъ, ему шло содержаніе лучше всѣхъ звѣрей; онъ былъ болѣе всѣхъ въ модѣ, его любили болѣе всѣхъ, потому-что онъ менѣе всѣхъ любви заслуживалъ.

«Обитатель сосѣдней съ моимъ двоюроднымъ братомъ клѣтки также былъ права не филантропическаго. Это была блоха, въ четыре фута вышиною и въ пять футовъ длиною. Свѣжее мясо моего двоюроднаго брата ужасно ее прельщало. Она такъ

много хлопотала, что наконец выломала двѣ перекладины, которыя ихъ отдѣляли, и разомъ ошестинилась передъ нимъ, чтобы напасть на него. Слушайте! Мой двоюродный братъ, по счастью, не оробѣлъ и не потерялъ присутствія духа — вытащилъ свою шпагу и сталъ въ оборонительное положеніе. Въ первый разъ ему случилось бороться такимъ образомъ съ блохою. Только онъ отдѣлся, какъ нельзя лучше. Толпа съ радостнымъ видомъ любовалась такимъ ужаснымъ поединкомъ. Зрѣлище было величественное. Въ Гомерѣ вы не найдете ничего изыщѣе такого боя. Блоха дѣлала самые плутоватыя прыжки; она прыгала вокругъ моего двоюроднаго брата, кидалась вправо, влѣво, впередъ, назадъ, снизу, сверху, то цѣплялась за клѣточные перекладины, то скользила надъ головою, выжидая благоприятной минуты, чтобы кинуться на него и сожрать, но все встрѣчала остріе его шпаги. Вдругъ блоха кидается изо всей силы въ послѣдній разъ; двоюродный братъ мой ударяетъ въ нее; шпага скользитъ сначала по непроницаемой ея чешуѣ; но мой двоюродный братъ не робѣетъ, и такою сильною рукою, которая могла бы выломать ворота, вонзаетъ шпагу свою въ спай между чешуи, по самый эфесъ. Блоха падаетъ, бьется и испускаетъ послѣднее дыханіе, къ превеликому удовольствію зрителей. Вотъ бы я порекомендовалъ такой случай мелодраматургамъ Олимпійскаго-Цирка. Какой прекрасный сюжетъ для звѣринаго представленія!

V.

«Ну что же дѣлала между этимъ временемъ академія. Академія ничего не дѣлала. Выслушала докладную записку своего секретаря, и принялась переважно составлять заключеніе. Заключеніе, какъ обыкновенно бываетъ, не заключалось никакъ.

Были ораторы *за*.

Были *противъ*.

Были *на*.

«Всѣ эти ораторы съ такимъ краснорѣчіемъ излагали свои различныя предложенія, что, выслушавъ котораго-нибудь изъ нихъ, никакъ нельзя было удержаться отъ того, чтобы не быть однихъ съ нимъ мыслей, хотя они не имѣли никакихъ мыслей.

«Были и такіе, которые не принимали никакого участія въ этихъ достойныхъ вниманія преніяхъ: они спали во все время собранія, да и по окончаніи, долго еще не просыпались.

«Наконецъ, по прошествіи многихъ дней свѣтозарныхъ разсужденій, ученые академики замѣтили, что чѣмъ болѣе стараются они объяснить себѣ спорный предметъ, тѣмъ болѣе они начинаютъ ничего не понимать, въ немъ. У нихъ пошло на голоса, и какая странность! тѣ, кто прежде говорили *такъ*, теперь подавали голосъ, что *не такъ*, а другіе прежде говорили *не такъ*, а теперь подавали голосъ, что *такъ*.

«Что касается до тѣхъ, которые болѣе всѣхъ горячились, такъ они никакого голоса не подавали.

«Все, что вышло изъ столькихъ споровъ и разсужденій, ограничилось тѣмъ, что назначили комиссію, которой надлежало отправиться въ звѣринецъ, повѣрить дѣло на мѣстѣ, опредѣлить породу чудовища.

«Люди, составлявшіе комиссію, прибыли къ кѣткѣ, гдѣ мой двоюродный братъ Ларутинъ все сидѣлъ голодный, не смотря на то, что питался лакомствами, то отъ одного, то отъ другаго. Эти ученые рѣшили, что порода его имъ совершенно неизвѣстна; что онъ живородящій, если только не ящеродный; что онъ позвоночный, если только не непозвоночный; что онъ плотоядный или травоядный, если только онъ не то и другое вмѣстѣ. Они заключили также, что его одежда составляла часть его тѣла, что она была родъ кожи, которую природа его украсила, и что шпага, которая у него была прицѣплена съ боку, была природное жало, какъ у асида, или у осы. Сверхъ того они рѣшили, что онъ долженъ быть крѣпко золъ, потому-что защищался противъ дикой блохи, которая на него нападала. По этому случаю они приказали имѣть къ нему всякое уваженіе, какое прилично имѣть къ свирѣпымъ звѣрямъ. Что касается до его пищи, то они разсудили за лучшее отложить всякое заключеніе о такомъ второстепенномъ предметѣ, до-тѣхъ-поръ, пока академія не рѣшитъ, лучше ли сохранить звѣря живымъ, или азанатомировать его на пользу науки, набить изъ него чучелу, а скелетъ подвѣсить къ потолку въ ихъ залѣ. Они ограничились тѣмъ, что дали ему предварительно пукъ сырой крапивы, нѣсколько большихъ мушыхъ лапъ, а для питья поставили лаханку съ уксусомъ. Потомъ они отправились по домамъ, очень довольные и самими собою, и успѣхами наукъ.

VI.

«Только теперь довольно калякать, сказалъ Парижаннинъ, открывая глазами слушающихъ его рассказъ съ живѣйшимъ вниманіемъ. Вотъ уже два часа утра на большихъ небесныхъ часахъ. Пора ложиться спать. Спите покойно. Кто спитъ, тотъ и обѣдаетъ. Если вы по-прежнему будете умны, такъ я вамъ расскажу продолженіе повѣсти, а можетъ-быть, и самый конецъ ея. А между тѣмъ, прощайте, господа! Пуще всего старайтесь не видать дурныхъ сновъ: это мѣшаетъ пищеваренію.

На другой день Парижаннинъ принялся очень рано за рассказъ свой, и продолжалъ такъ:

VII.

«Какъ вы видѣли, моему двоюродному брату Ларутину предстояло что-нибудь одно изъ очень непріятныхъ двухъ вещей: быть убитымъ, или умереть съ голоду, середины не было. По счастью, одинъ изъ знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ жителей луны, добродѣтельный Брррррррръ, вздумалъ также посмотреть въ свою очередь на этого достойнаго вниманія звѣря, о которомъ столько говорили. Моего двоюроднаго брата Ларутина перенесли съ кѣлкою въ домъ этого богача, сдѣланный изъ цѣлой горы, горнаго хрустала, которую обдѣлали, выломавши изнутри, и отшлифовали, такъ, что сквозь прозрачныя стѣны снаружи было все видно, что ни дѣлалось внутри.

«Лунные люди одѣваются такъ богато и великолѣпно, что моему двоюродному брату оно сначала показалось скудною простотою. Напримѣръ, У женщинъ были желѣзные браслеты, желѣзные перстни и желѣзныя серьги. Маленькіе кремешки, похожіе на нашъ простой щепень, были вдѣланы въ эти странные уборы. Вотъ и выходитъ правда, что цѣнность вещей, по большей части, зависитъ отъ ихъ рѣдкости. Золото, серебро, драгоценныя каменья, все, къ чему мы такъ привязаны на нашемъ земномъ шарѣ, тамъ у нихъ ни почемъ; они смѣются

надъ всѣмъ этимъ, какъ надъ прошлымъ годомъ. Напротивъ того, желѣзо, сталь, известковый камень, кремь, которые у насъ въ такой малой чести, у нихъ очень высоко цѣнятся, по причинѣ того, съ какимъ затрудненіемъ они достаются. Такъ уже создано все на свѣтѣ. По этому-то и деньги у нихъ всѣмъ не то, что у насъ. У нихъ копѣйки серебряныя, гроши золотые, ефимки свинцовые, а наполеондоры желѣзные. Въ-послѣдствіи мой двоюродный братъ былъ въ большомъ затрудненіи, когда онъ купилъ флейточку, въ память своего тамъ пребыванія, и ему пришлось пожертвовать на эту покупку всѣ три тысячи франковъ, которые онъ собралъ при своемъ отправленіи съ Марсова поля въ Парижъ, и которые тамъ не стоили и трехъ тысячъ полушекъ. Ему показалось, что флейточка обошлась немного дороже. Ну, да впередъ рассказывать нечего.

«Жидкости представляютъ тамъ такую же разницу въ цѣнности, въ сравненіи съ тѣми, которыми мы имѣемъ счастье пользоваться. Въ такой странѣ, какъ луна, гдѣ рѣки, ручьи, озера и водопады все изъ лимонада, оржада, рома, польиной водки и другихъ соковъ, гдѣ даже когда идетъ дождь, такъ каплетъ виномъ самой первой доброты, можно себя представить, что такіе напитки не такъ-то высоко цѣнятся, а чистая вода должна быть прелестью и наслажденіемъ тамошнихъ жителей. Это такъ и есть. Вода тамъ очень дорого стоитъ. Есть кабаки, въ которыхъ только и продаютъ, что одну воду. Есть даже цѣлые потаенные заводы, гдѣ поддѣлываютъ воду, точно какъ у насъ поддѣлываютъ бордоскую водку, бургонское и шампанское вина.

«Кушанья ихъ прегрупныя; замѣчательны были въ числѣ мясныхъ блюдъ: осы съ трюфелями, комары съ виннымъ камнемъ, фрикасе изъ бабочекъ и жирные шмели, зажаренные на вертелѣ; изъ личины—маленькія стрекозы, нашишкованныя саломъ, жареный молочный медвѣженокъ; изъ зелени—крапива вмѣсто шпината, пакля съ масломъ, древесная корка подъ бѣлымъ соусомъ, желуды въ видѣ турецкихъ бобовъ, и, вмѣсто салата, крошечныя, прекрошечныя тополевыя деревья; наконецъ изъ рыбныхъ—блюдо вареныхъ крокодиловъ, маленькія акулы на маслѣ съ уксу-сомъ, и матюль изъ маленькихъ китовъ, которые были величиною не болѣе нашихъ карповъ. А что тамъ ѣдятъ, такъ просто смѣхъ да и только. Орѣхи въ десять футовъ въ окружности, и орѣшки,

которые надобно было расколачивать тяжелыми ударами булавы, такъ тверда и толста была на нихъ скорлупа.

«На лунѣ играютъ въ лото на щелчки по носу; тамъ въ употребленіи рзныя инструменты, совсѣмъ незнакомаго моему двоюродному брату вида, и звукъ которыхъ очень походилъ на скрипящій воротъ на несмазанныхъ петляхъ и на нашу *подражательную музыку*. Одно обстоятельство не могло уклониться отъ наблюдательнаго ума моего двоюроднаго брата, а именно что мужчины вообще благоразумны, образованны, разсудительны и откровенны. Въ своихъ частныхъ разговорахъ они воздержались отъ всякой лжи. Не позволяли себѣ ни малѣйшаго въ рѣчахъ вздору, а рѣчь у нихъ шла о словесности, наукахъ, нравственности, предпочтительно предъ охотою, рысистыми баранами, кровными кузничиками и публичными фондами. Женщины, съ своей стороны, были скромны, задумчивы, совсѣмъ не кокетливы, совсѣмъ не своенравны и совсѣмъ не подвержены нервическимъ припадкамъ.

VIII.

«Добродѣтельный Брррррръ втягивалъ въ свой носъ черный порошокъ, чтобы прояснить свои мысли, которыя совершенно запутались при видѣ моего двоюроднаго брата. У брата носъ давно чесался за немѣнѣемъ табаку; онъ осмѣлился протянуть руку сквозь рѣшетку, и просилъ соизволенія взять щепотку. Брррррръ удостоилъ соизволить на это съ трогательною благосклонностію. Къ несчастію, это былъ не табакъ, а перецъ.

— «Мой двоюродный братъ чихнулъ.

— «Да кто ты такой—ты, который нюхаешь, ты, который чихаешь? спросилъ у него Брррррръ, внявъ себя отъ изумленія.

— «Это дикій звѣрь, подхватилъ поспѣшно одинъ изъ бывшихъ тутъ пріятелей хозяина. Еще не извѣстно, къ какой породѣ онъ принадлежитъ, но академія теперь занимается тѣмъ, чтобы рѣшить это.

— «Этоне правда! прервалъ безстрашно мой двоюродный братъ, котораго досада, голодъ, перецъ и самолюбіе вывели наконецъ изъ себя. Сами вы дикій звѣрь! Я не скотина, а существо раз-

троттуары изъ перламутра, въ такую же ширину, какъ и самое шоссе, вымощенное рубинами и назначенное для повозокъ и ѣдущихъ верхами. На каждомъ почти шагу столбы съ фонтанами, изъ которыхъ бьютъ природные потоки сока черной смородины, ратафii, водки, пуншу, рому и розового масла. По ночамъ онѣ освѣщаются большими свѣтящимися червяками, которыхъ кладутъ въ золотые фонари, въ нѣкоторомъ одинъ отъ другаго разстояніи, и которые даютъ гораздо болѣе свѣта, чѣмъ наши тусклые фонари. Свѣтящіеся черви составляютъ единственный, извѣстный на лунѣ способъ освѣщенія. Эти червячки служатъ также и въ домахъ, вмѣсто всѣхъ нашихъ маселъ восковыхъ и сальныхъ свѣчей.

«Наконецъ лавки также нарядны, какъ и у насъ, съ тою только разницею, что у нихъ наружность не стоитъ во сто разъ дороже внутренности.

«Еще другою диковинкою отличаются эти лавки — купцы ни на грошъ никогда не запрашиваютъ, и довольны барышемъ по сту на сто.

«Все это очень дивило моего двоюроднаго брата.

«Для довершенія удовольствій и удобствъ въ жизни, въ каждомъ кварталѣ города есть особое мѣсто для прогулки, огороженное золотыми рѣшетками, съ цвѣтами, зеленью и фонтанами изъ разныхъ соковъ, гдѣ всякой можетъ навѣрное найти чистый воздухъ, прохладу, тѣнь и безденежно рюмку водки. Тамъ насажена столѣтняя капуста, цѣлая аллея свеклы и цѣлая роща чертополоху. Огромные листья этихъ произрастеній, которые тамъ считаются въ числѣ самыхъ высокихъ деревьевъ, представляютъ съ виду что-то грозное, о которомъ даже ничто въ версальскомъ паркѣ не можетъ вамъ дать понятія. Эти мѣста, назначенныя для публичной прогулки, никогда для публики не закрыты.

«Народонаселеніе этого города показалось моему двоюродному брату точно какимъ-нибудь пчелинымъ ульемъ. Все двигалось въ порядкѣ, съ удивительною дѣятельностію. Ни зѣвакъ по улицамъ, ни бродягъ, ни нищихъ. Все дышало трудолюбіемъ, достаткомъ, довольствомъ. Прохожіе остерегались, какъ бы не толкнуть кого, спѣшили всякому услужить, когда только то надобно было, и, что всего удивительнѣе, не слышно было ни малѣйшей ссоры, не видать было ни одной драки.

«Болѣ всего показалось моему двоюродному брату назидательнымъ то, съ какою вѣжливостію правили всадники и кучера своими кузнечиками. Очень строго запрещено тамъ жестокое обращеніе, съ какимъ у насъ обходятся негодяи съ животными. Такое скотское обхожденіе показываетъ злое сердце. Когда кто жестокъ со скотами, такъ, навѣрное, будетъ таковъ же и съ людьми.

«Мой двоюродный братъ видѣлъ на воздухѣ извозничьи кареты, таратайки, дилижансы, почтовые кареты, омнибусы, которые возили на себѣ крылатые муравьи. Извозничьи кареты ѣздили съ невѣроятною скоростію. Таратайки были опрятны. Дилижансы не опрокидывались. Почтовые кареты никого не давили. Омнибусы были просторны, удобны и безъ подвижныхъ скамеекъ. Въ нихъ можно было просторно помѣстить до полуторы тысячи особъ. Внутри были биліардные залы, ресторации, кофейныя, комнаты для чтенія. Или также другіе омнибусы мѣншаго размѣра, чтобы возить одного, куда ему нужно. Это очень пріятно.

«Публичные памятники въ этой несравненной столицѣ возбуждали не менѣе изумленія въ Ларутинѣ. Дома волшебницъ менѣе величиною и не такъ великолѣпны. Мы уже видѣли, что домъ Ларутинова друга былъ изсѣченъ изъ одного куска хрусталя. Банкъ помѣщался въ брилліантѣ, тюрьма для должниковъ въ топазѣ, убогій домъ въ жемчужинѣ; по этому судите и о прочемъ.

«Величественная рѣка изъ хереса протекала чрезъ весь городъ по руслу изъ фишашекъ и вареныхъ въ сахарѣ миндалей. Множество нарядныхъ шляпокъ изъ сухариковъ, изъ вареной лимонной корки, или изъ апельсиннаго мороженого, красиво перерѣзывали ея сочныя волны. Мачты на этихъ шляпкахъ были изъ ячнаго сахару, весла изъ пряниковъ, а паруса изъ вафель. Ну, на нихъ—то плавать было немножко по-пріятнѣе, чѣмъ на этомъ рѣшетчатомъ островѣ, на которомъ мы теперь носимся. Какъ вы думаете, ребята?

— Уже конечно такъ, отвѣчалъ Лавенетъ.

«Кромѣ того было множество, продолжалъ Парижанинъ, мостовъ, которые величественно перекидывались чрезъ рѣку арками изъ леденцу, кренделей и савойскихъ пирожковъ. Чтò ка-

сается до набережныхъ, такъ онѣ были, просто, устроены изъ шоколата и выложены розовыми лепешечками.

«Также изъ леденцу былъ построенъ огромный пантеонъ, который призывательная луна посвятила великимъ мужамъ своимъ. Тамъ видно было уже множество обитателей, и никогда живымъ не приходило на мысль давать отставку мертвымъ, подъ предлогомъ политическихъ мнѣній.

«Другіе памятники были не менѣ замѣчательны по ихъ значенію, хотя и не такъ вкусны по своему составу.

«Были также публичныя кассы, въ которыя каждый ремесленникъ могъ вносить что скопилъ своими трудами, вмѣсто того, чтобы пропивать, проѣдать или проплясывать все. Только прежде чѣмъ основали эти хранилища, старались преподавать способы доставать что-нибудь трудами.

«Были также дома пріютовъ, гдѣ всякой лунатикъ, котораго старость или преждевременное разстройство здоровья требовали успокоенія, могъ быть принятъ и прилично сбереженъ, послѣ проведенной въ честныхъ трудахъ жизни.

«Были также пріюты для звѣрей, то-есть заводы, въ которыхъ выращивали кровныхъ кузнечиковъ, чтобы улучшить породу этихъ благородныхъ скотовъ. Мой двоюродный братъ присутствовалъ на многихъ рыснстыхъ бѣгахъ, которые происходили на прекраснѣйшей площади столицы. Только, впрочемъ, на этихъ заводахъ не занимались исключительно улучшеніемъ породы кузнечиковъ для щегольства, на забаву лунныхъ денди; тамъ гораздо пристальнѣе занимались породами прямополезными: кузнечиковъ возовыхъ, упрямыхъ, для пашни.

«Еще надобно отдать справедливость лунатикамъ и въ томъ, что они дѣлаютъ гораздо болѣе пожертвованій для воспитанія людей, чѣмъ скотовъ. Въ каждомъ кварталѣ открыты всякія школы для обученія. Сначала учатъ тамъ необходимому, а потомъ уже излишнему. Отъ того-то у нихъ и не выходитъ тѣхъ полубразованныхъ, или въ четвертую долю образованныхъ, которые современемъ дѣлаются предметомъ сожалѣнія или посмѣянія современниковъ, въ качествѣ похитителей, выписчиковъ, писакъ, рифмоскрибовъ, задушенныхъ великихъ мужей, умовъ зачерствѣвшихъ, геніевъ непонятыхъ, орлиныхъ птенцовъ безъ крыльевъ, и другихъ глупостей. Свободное отъ занятій время употребляется на гимнастическія упражненія, такъ какъ это начинается заводиться и у насъ, что гораздо лучше

мячиковъ и волчковъ. Мой двоюродный братъ Ларутинъ естественно думалъ совсѣмъ не такъ.

«Послѣ этого онъ посѣтилъ множество другихъ заведеній, прямо уже публичныхъ: библіотеки, которыя были всегда открыты, и курсы, которые никогда не запирались.

«Онъ видѣлъ музеи, въ которые помѣщали только самое отличное; биржи, на которыхъ никто не барышничалъ скупая векселя.

«Онъ бывалъ въ театрахъ, на которыхъ шли совершенно вѣрно, и представляли драмы и трагедіи, въ которыхъ природа изображалась конечно съ приличіемъ, но и съ сохраненіемъ истины; тамъ играли умные водевили; тамъ, подъ предлогомъ того, что это неподражаемыя творенія, заслуживающія подражанія, не представляли прекрасныхъ, но чрезвычайно старинныхъ комедій, для исправленія странностей теперешнихъ лунатиковъ, изображеніемъ странностей тѣхъ лунатиковъ, которые жили за два вѣка; тамъ не играли мелодрамъ ни подъ какою предлогомъ.

«Видѣлъ онъ судебныя мѣста, въ которыхъ оказывается сираскеллиность. Присяжные, стряпчіе и приказные тамъ очень въ маломъ числѣ. Адвокаты ходатайствуютъ за вдовъ и сиротъ даромъ, и они постыдились бы продавать дорогою цѣною свое краснорѣчіе какому-нибудь богатому мошеннику. Только они всѣ ужасно молчаливы: такъ что надобно было насильно заставлять ихъ выговорить хотя одно слово.

«Что касается до судей, то они неподкупны для народа.

«Тяжущіеся, съ своей стороны, всегда довольны судебскимъ рѣшеніемъ.

«У нихъ не было тѣхъ важныхъ дѣлъ, разбирательство которыхъ открываетъ въ обществѣ такіе ужасные, не исправимые признаки страстей; не было ни преслѣдованій за покражу, зажигательство, живые поступки, убійства, распутство и проч. Большая часть процессовъ были начинаемы кредиторами противу должниковъ, чтобы заставить ихъ заплатить занятія суммы.

«Я забылъ еще сказать, что въ госпиталяхъ, въ которые ходилъ мой двоюродный братъ, онъ встрѣчалъ только аллопатовъ, у которыхъ для леченія не было другой системы, кромѣ той, чтобы вылечивать больныхъ.

«Вотъ что смущеннымъ взорамъ Ларутина представлялъ величественный городъ Крррррстълмбхднгзхъ. Ларутинъ бродилъ между такими чудесами съ отуманенными глазами, невѣрною поступью, перепуганный, точно собаченка, заблудившаяся на рынкѣ и которая напрасно старается отыскать дорогу. Время отъ времени онъ приподнималъ глаза къ землѣ, когда она блистала въ новомъ его небѣ. Онъ посматривалъ на нее съ завистію, вздыхалъ, грустилъ по ней; потомъ, грустно опуская свои взоры на луну, онъ бродилъ ими снова по окружающимъ его чудесамъ и усмѣхался съ пренебреженіемъ, съ жалостію, точно какъ драматическій писатель, при успѣхѣ котораго-нибудь изъ своихъ собратій.

XI.

«Но вотъ, извѣстіе, что звѣрь упалъ съ земли, скоро распространилось между лунными народами. Это было причиною, что изъ всѣхъ угловъ планеты собирались въ Крррррстълмбхднгзхъ любопытные, чтобы посмотрѣть на нестройное животное, которое служило украшеніемъ города. Такое стеченіе народа много способствовало блеску этой величественной столицы.

На лунѣ очень много разныхъ королевствъ. Есть очень большія, а есть и очень маленькія, такія, что можно обойти въ двадцать пять минутъ. Алмазная гора, на верхушку которой опустился шаръ моего двоюроднаго брата, была на самой границѣ двухъ королевствъ. Вся сѣверная половина принадлежала къ одному, а вся южная къ другому. Шаръ съѣлъ прямо на пограничной линіи. И два сосѣдніе народа стали помогаться права на присвоеніе себѣ и шара, и самаго звѣря. Отъ этого возгорѣлась война, въ которой принялъ участіе и добродѣтельный Бррррррръ, защищая права собственныхъ и своихъ соотечественниковъ на обладаніе моимъ двоюроднымъ братомъ. *

«Излишне будетъ говорить здѣсь, что Ларутинъ послѣдовалъ въ армію.

XIII.

«Объ арміи, расположенной у подошвы большого алмаза, на

который опустился шаръ, двинулись и кинулись одна на другую съ такимъ ожесточеніемъ, которое описать невозможно.

«Для моего двоюроднаго брата это было самое дивное явленіе, какое только онъ до-тѣхъ-поръ видѣлъ на лунѣ. Народы на этой планетѣ ведутъ войну весьма страннымъ образомъ. Что служить въ похвалу ихъ образованности, такъ это то, что они никогда не ранятъ, не убиваютъ другъ друга. Они стараются на войнѣ только о томъ, чтобы привести взаимно другъ друга въ безсиліе, обратить въ бѣгство и нахватать сколько возможно болѣе въ плѣнъ.

«Оружія лунныхъ жителей сколько не вредоносны, столько и замысловаты.

«Мой двоюродный братъ видѣлъ, какъ изъ гаубицъ стрѣляли самымъ мелко-пестрымъ табакомъ въ глаза непріятелю, чтобы на нѣсколько минутъ совѣмъ ослѣпить его.

«Видѣлъ ракеты, которыми кидали чемеричный порошокъ, чтобы заставить ихъ расчихаться.

«Видѣлъ пушки, изъ которыхъ, какъ картечью, стрѣляли конфетами, чтобы возбудить ихъ прожорство.

«Видѣлъ мортиры, изъ которыхъ кидали какимъ-то порошкомъ, чтобы произвести несносный зудъ, и заставить непріятеля остановиться, чтобы чесаться, вмѣсто того, чтобы помышлять о защитѣ.

«Были также цѣлые полки, вооруженные помпами, изъ которыхъ окачивали непріятеля мускатнымъ виномъ, отъ чего онъ приходилъ въ совершенную оныянѣлость.

«Были полки, вооруженные печеными яблоками. Ничто не можетъ сравниться съ тою ловкостію, съ какою, въ двухъ стахъ шагахъ разстоянія, они валяли яблоки прямо въ лицо врагамъ.

«У нихъ былъ прекрасный способъ брать въ плѣнъ: кидали въ непріятелей длинныя затяжныя петли, которыми ихъ таскали, точно какъ таскаютъ связки сѣна на сушилахъ.

«Другой способъ состоялъ въ томъ, что ихъ ловили на удочку, какъ пискарей.

«Инженерные солдаты также не стояли сложа руки. Они ставили вдоль дороги ловушки, куда пѣхотинцы попадали ногами.

«Они обмазывали близъ-стоящія деревья клеемъ, такъ что летавшіе беззаботно вокругъ кузнечики приклеивались къ нимъ крыльями.

«Наконецъ эти образованные воины выкапывали преогромныя ямы, наполняли ихъ вареньями и пренекусно прикрывали листьями, мохомъ, пескомъ и древесными вѣтвями. Непріатели, ничего не подозрѣвая, ступали ногою на зыблющуюся поверхность, и утопали по горло въ этихъ вкусныхъ подкопахъ.

«Безпристрастіе требуетъ также упомянуть здѣсь о полкахъ товарищескихъ, которые были вооружены акціями и акціонными купонами. Акціи для истребленія бородавокъ и мозолей; акціи для изобрѣтенія асфальтовыхъ принсковъ; акціи для истребленія въ домахъ клоповъ; акціи для отниманія отъ груди молоденькихъ бычковъ; акціи для варенья лицъ въ мѣшечкѣ; акціи для обработки перастительной почвы; страховыя акціи отъ паденія черепицы на голову, противъ законоискусниковъ, банкировъ, волковъ и охотничьихъ роговъ; предохранительныя взаимныя акціи противъ акціи всякаго рода. Какихъ еще не было? Полки маклеровъ кидали своими бумагами въ непріателя, и предлагая неизмѣримые барыши, разомъ дѣлали ихъ совершенными банкротами. Такое оружіе дѣлало множество жертвъ.

«Но самые страшные, неоспоримо, были пѣхотные полки, вооруженные классическими трагедіями; кузнечиковые полки, которые размахивали романтическими драмами, точно какъ саблями, и полки музыкальной артиллеріи, которые играли арии изъ комической оперы.

«Первые назывались: *Трагическими смертоносными*; вторые, *Палачами череповъ*, а третьи *Бригада адская*.

«Они торжественно подвигались впередъ, декламируя трагедіи, оды, советы, эпическія поэмы, старину всякаго рода, и усыпляли глубокимъ сномъ своихъ противниковъ. Не было возможности устоять противъ усыпительнаго мужества такихъ враговъ.

«Былъ также цѣлый корпусъ импровизаторовъ.

«Они запрягивались съ своими инструментами въ какую-нибудь густую рошину, мимо которой надобно было проходить непріательскому войску, и вдругъ принимались пускать въ него, въ такой близи, что не попасть было нельзя, романсами, рондо, кантатами, простонародными пѣнями, и баладами, съ такими погрѣшностями и крикомъ, что оглушали непріателя и обращали его въ бѣгство.

«Третьи кидались на непріателя, читая отрывки изъ но-

выхъ сочиненій: чувствительныхъ романовъ, романовъ историческихъ, романовъ морскихъ и проч., драмъ неистовыхъ, купоросныхъ, гальваническихъ, бессмысленныхъ, и проч.; вотъ по этому только злу можно луну уподобить сколько-нибудь съ нашею землею. Такое чтеніе было непреоборимо: все разстроивалось, все бѣжало, тутъ всякой уже спасался, какъ знаетъ. Не было возможности удержаться, въ особенности когда сочиненія были написаны рѣзкимъ слогомъ того или другаго моднаго сочинителя, и ими поражали и умъ и вкусъ противниковъ. Не разъ видали, какъ цѣлыя арміи бѣжали на пять сотъ миль отъ поля сраженія, затыкая герметически себѣ уши. Исторія нашихъ земныхъ войнъ не представляетъ ничего, что можно было бы сравнить съ паническимъ ужасомъ этого рода.

«Такой способъ извлекать пользу, употребляя, вмѣсто военныхъ снарядовъ, сочиненія, столь рѣшительно бесполезныя въ существѣ своемъ, показываетъ, до какой степени народы на лунѣ довели вмѣстѣ и филантропію и политическую экономію и стратегію, три вещи, очень не совмѣстныя между собою. Не возможно вести войну способомъ болѣе болеутоляющимъ, болѣе ученымъ и болѣе скучнымъ.

XIV.

«Мой двоюродный братъ Марутинъ думалъ совѣмъ не такъ. Волосы у него торчали дыбомъ, голова горѣла, въ глазахъ темнѣло. Ему казалось, что у него въ черепѣ все перевернулось вверхъ дномъ, и что всѣ мысли плясали хороводомъ, въ маскарадныхъ платьяхъ. Видъ этой лунной баталіи окончательно привелъ въ глазахъ его спутника нашего въ омерзеніе. Бой загорѣлся жаркій. Печенымъ яблокомъ попало ему прямо въ лицо, табакомъ въ лѣвый глазъ, и зудящимъ порошкомъ за спину. Тутъ ему подставили подъ самый носъ кучу предложеній акцій въ товариществѣ предпріятія желѣзной дороги изъ каучуку и ячнаго сахара съ смолою. Въ одно ухо попало вѣскольکو отрывковъ романа, съ примѣсью драмы, а въ другое запачканные лоскутки трагедій съ присоединеніемъ комической оперы. Такія событія не могли никакъ привадить его къ тамошней сто-

ровѣ. Да и другимъ бы она опротивѣла! Прибавьте къ этому, что въ ту минуту земля рисовала свой обширный кругъ въ тверди небесной. Мой двоюродный братъ увидѣлъ ее прямо у себя надъ головою. Случай былъ благопріятенъ. Онъ скоро рѣшился.

— Конечно, вскричалъ онъ, тоная съ негодованіемъ по лунной почвѣ дырявымъ саногомъ своимъ: конечно! Я покину это глупое мѣсто, эту дурацкую страну! Ворочусь домой, увижу опять мою землю, мою дорогую землю, гдѣ пьютъ, гдѣ ѣдятъ, гдѣ спать, гдѣ дерутся, гдѣ все дѣлають порядочнымъ образомъ, то-есть такимъ образомъ, какъ я видѣлъ, что всегда дѣлается. Да, попробую, хотя бы мнѣ пришлось сломать себѣ шею въ дорогѣ! Сдѣлаю все, что только можетъ сдѣлать порядочный гражданинъ для своего отечества. Впередъ, маршъ!

«Мой двоюродный братъ сказалъ это, и пользуясь благопріятной минутою скрылся не будучи никѣмъ примѣченъ, отыскавъ дорожку къ тому алмазу, съ котораго онъ сошелъ въ долину, и принялся взбираться руками и ногами на его верхушку. Онъ нашелъ тамъ свой шаръ въ надлежащемъ состояніи, отворилъ сумку, которая была въ ладѣ, и взялъ оттуда все снадобы, которыя были нужны, что бы снова надуть его и пустить на воздухъ. Это было дѣло нѣсколькихъ минутъ. Воздушный шаръ мало-по-малу принялъ свою милую округлость, покачался съ минуту, дрогнувъ, и понесся скоро и величественно въ воздушномъ пространствѣ.

Лунные жители увидѣли тутъ, какъ мой двоюродный братъ изъ-подтишка улепетывалъ въ своемъ легкомъ экипажѣ, тогда какъ они только что было принялись драться съ самымъ сильнымъ остервененіемъ, чтобы обладать имъ.

«Они обратили свое оружіе за одно противъ бѣглеца, пустились преслѣдовать моего двоюроднаго брата со всехъ крыльевъ, на разстояніи болѣе пяти сотъ миль, пуская на него безпрестанно все, что ни было у нихъ чемерницы, зудячаго порошку, трагедіи, печеныхъ яблоковъ, драмъ и табаку. Только все было по пустому: шаръ поднимался выше и выше съ гораздо болѣею быстротою, чѣмъ они его преслѣдовали. Въ бѣглеца попало только немножко зудячимъ порошкомъ. Забавникъ, съ высоты, сложилъ оба кулака вмѣстѣ, приложилъ къ носу, и протрубилъ имъ въ насмѣшку, точно какъ въ трубу.

Скоро все это пропало у него изъ глазъ, и онъ, пролетѣвъ

на-выворотъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, по которымъ пролеталъ въ первое свое путешествіе, спустился преспокойно на Марсовомъ полѣ, въ Парижѣ, сто двадцать девять дней спустя послѣ своего оттуда отбытія. Радость его по этому случаю была необычайна, хотя лунная чемерица все еще продолжала на него дѣйствовать, и заставила его чихнуть еще шестьсотъ сорокъ три раза безъ перемежки.

XV.

«Только съ окончаніемъ странствія Ларутинна, огорченія его не кончились. Онъ, по глупости, громко рассказывалъ о томъ, что дѣлалъ, слышалъ и видѣлъ. Никто не хотѣлъ вѣрить тому, кто самъ никогда никому не вѣрилъ. Его рассказы о другомъ мірѣ называли глупостями, ложью и шарлатанствомъ. Съ этой-то поры вообще начали называть *лунатиками* людей съ странными причудами. Наконецъ, такъ какъ онъ стоялъ въ своихъ разсказахъ, его стали называть сумасшедшимъ, бѣснующимся, мечтателемъ. Родственники его уже давно скалили зубы на огромное богатство, которое онъ вывезъ сверху рубинами, изумрудами и алмазами. Они выхлопотали запрещеніе на это богатство, подъ предлогомъ его сумасшествія. Такой поступокъ его взбѣсилъ. И его схватили, связали, засадили въ Шантонъ».

«Въ этомъ домѣ умалишенныхъ, по милости обливаній, скончался мой двоюродный братъ Ларутинъ 13 января 1802 года, въ три часа тридцать пять минутъ утра, въ ту самую минуту, какъ, со злости, онъ грозилъ еще сжатымъ кулакомъ лунѣ».

«Какой-то френологъ выпросилъ себѣ его черепъ для пользы просвѣщенія. Онъ купилъ его, перещуналъ, пересмотрѣлъ, снялъ съ него форму, выставилъ на показъ, и объявилъ, что бывшій владѣлецъ черепа имѣлъ выпуклость открытій, любовь къ новизнѣ, презрѣніе къ извѣстному, и если онъ не сдѣлалъ открытій внутри земнаго шара, такъ это отъ того, что не былъ панутствованъ френологомъ на счетъ настоящаго его назначенія.»